

*Р. С. Орлов, А. П. Моця,
П. М. Покас*

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ЮРЬЕВА НА РОСИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

История древнерусского города Юрьева, как и многих других городов доордынской Руси, до недавнего времени была известна лишь из письменных источников, которые связывают судьбу города с Поросьем — южным порубежьем Киевской земли. Именно в Поросье со Стугны во времена княжения Ярослава Мудрого была перенесена граница государства, а возможно, как полагает П. П. Толочко, и до Тясмина¹. Под 1031 г. в Ипатьевской летописи имеется сообщение о походе Ярослава и Мстислава Владимировичей на Червенские грады, в результате которого «многи ляхи приведоста и разделившая, Ярослав посади своя по Рси и суть до сего дня»². В следующем 1032 г. «...Ярослав поча ставити города по Рси...»³.

Летописные известия выделяют Юрьев как крупный политический и экономический центр укрепленного и пограничного со степью Поросья. Впервые же на страницах летописи под 1072 г. упоминается не город, а юрьевский епископ Михаил. Встречаются имена и других епископов, правивших юрьевской епархией в 1089 г. (Антоний), 1091, 1095 гг. (Марин), 1114, 1121 гг. (Даниил), 1147, 1154 гг. (Демьян), 1190, 1197 гг. (Андриан), 1225 г. (Алексей)⁴. Юрьев получил епископскую кафедру первым из городов Руси (вместе с Белгородом) после Киева и Новгорода до 1072 г., по предположению Е. Голубинского, при Яро-

славе Мудром. Столь раннее учреждение кафедры в Юрьеве, возможно, связано с событиями 1030 г. — переселением в Поросье западнославянского населения, крестившегося по католическому обряду и нуждавшегося в особом внимании со стороны православного духовенства.

Первое упоминание о городе относится к 1095 г., когда город был сожжен половцами: «...а Гюрьгевъ зазгоша Половць тощъ». Через восемь лет Святополк, после успешного далекого степного похода в степь и «привода веж торков» и печенегов на Русь, отстраивает Юрьев: «...иде Святополкъ и сруби Гюрьговъ его же бѣша пожъгль Половци»⁵.

На протяжении XII в. население города совместно с союзными Черными клобуками принимает активное участие в отражении половецких нашествий. Половцы терпят под стенами города поражения в 1158 и 1162 гг.⁶ Последнее упоминание о городе относится к 1390 г. в Воскресенской летописи, где Юрьев назван в числе крупных городов Киевской Руси («Список Русских городов») наряду с Переяславлем и Васильевым⁷.

Вопрос, связанный с локализацией Юрьева в среднем течении р. Рось в районе современной Белой Церкви, решался по-разному. М. Андриевский в работе «Летописный Юрьев на Роси» соотнес с Юрьевым городище Райгородок на р. Гороховатка (восточнее Бе-

лой Церкви). Одним из основных его аргументов против локализации Юрьева на территории Белой Церкви было отсутствие древних храмов, а о Райгородке существовала легенда, в которой говорилось о наличии в древности здесь храмов. Л. Похилевич локализовал Юрьев в районе Белой Церкви, а М. Н. Тихомиров — на северо-западной окраине города в уроч. «Палиева гора»⁸. Высказано мнение, что каплица на Замковой горе, упоминаемая в люстрации Белоцерковского замка 1612 г., а следовательно, и более ранняя церковь имеет отношение к остаткам церкви в усадьбе Николаевского собора⁹. Последняя расположена в 400 м к северо-востоку от замка и относится, скорее, к началу XVIII в. Отметим, что люстрация замка 1765 г. также описывает каплицу: «каплица старая, крыша на ней старая, испорченная»¹⁰. Сохранившиеся описания замка упоминают деревянную застройку и деревянно-земляные укрепления, из чего следует, что и каплица, пришедшая в ветхое состояние к 1765 г., была также деревянной.

Окончательно решить вопрос о местонахождении Юрьева помогли археологические данные. Еще в 1949 г. в результате наблюдений сотрудников историко-краеведческого музея за строительными работами в городе на территории усадьбы Сельскохозяйственного института (площадь Свободы) обнаружен культурный слой XI—XII вв. Тогда же во дворе дома № 8 по ул. Росевой было найдено погребение, которое О. И. Богданов отнес к древнерусским¹¹. Археологические материалы с территории Замковой горы и прилегающих к ней районов города, открытые в разные годы, поступали в коллекцию краеведческого музея. Это наконечники стрел, пряслица из пиррофиллита, шпору, удила, топоры, меч, обломки керамики, в том числе амфорки киевского типа¹². Найденные вещи XII—XIII вв. свидетельствуют о наличии древнерусского слоя под крепостью XVI—XVIII вв.

В 1957 г. через Замковую гору было проведено шоссе. В результате работ был уничтожен культурный слой на площади около 1500 м². Сотрудникам

музея удалось собрать материал XII—XIII вв.: глиняную посуду, ножи, лемех, топор, шпору, украшения, обломки стеклянных браслетов, обуглившееся зерно. Ими прослежены квадратная в плане постройка и хозяйственные ямы. Найдены целая плинфа (29×19×4—4,5 см) и керамические плитки для пола с глазурью зеленого цвета. Отмечены следы пожара, уничтожившего застройку участка. В целом следует согласиться с авторами публикации материалов, что культурный слой Замковой горы имеет «городской» характер, а наличие каменной церкви является серьезным аргументом в пользу локализации Юрьева в районе Замковой горы¹³.

После 1957 г. М. П. Кучера и П. П. Толочко во время разведок по Поросью обратили внимание на два городища, сохранившиеся в городе (Замковая гора и Палиева гора). Ими был собран материал древнерусского времени, но более или менее значительные раскопки не проводились¹⁴.

В 1978 г. для определения степени сохранности культурного слоя городищ и его датировки по просьбе горкома Компартии Украины и горисполкома Белой Церкви была создана Белоцерковская экспедиция Института археологии АН УССР. Экспедиция проводила исследование в течение пяти полевых сезонов (1978, 1980—1983). Проведенная в первый год шурфовка городищ определила характер культурного слоя, выявила находки, позволившие датировать городища. Выяснилось, что городище Палиева гора (площадь около 0,24 га), расположенное на территории дендропарка «Александрия», не содержит слоя, характерного для древнерусского города. На городище (округлом в плане, диаметром 55 м, с валом шириной 7—8, высотой 1,5 и рвом, глубиной 1,5, шириной 5—6 м) была заложена траншея длиной 30 м. Мощность культурного слоя незначительна, материк — на глубине 0,4—0,5 м. Найдены мелкие фрагменты керамики XII—XIII вв. В северной части траншеи под валом найдена часть постройки с материалами: ливневая железная пряжка, обломки лепных горшков, сковородки без бортиков

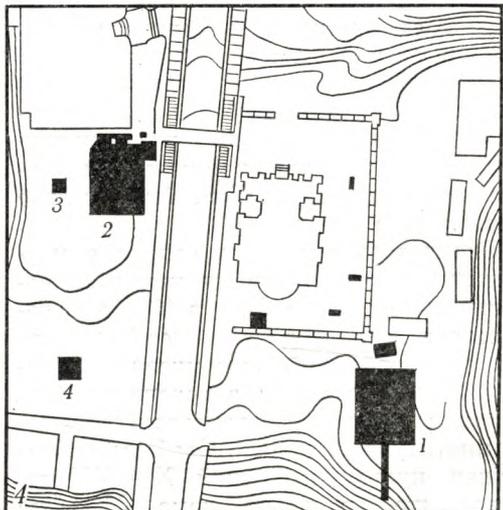
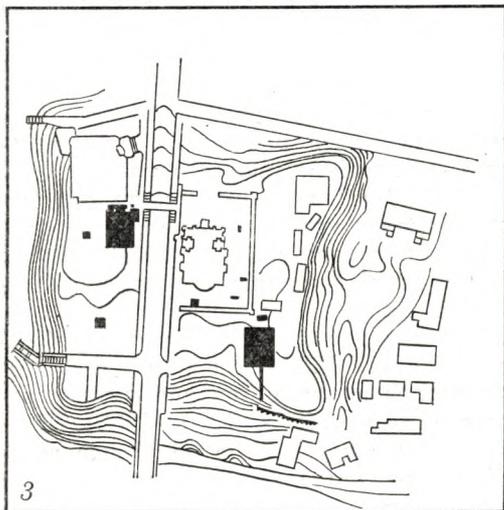
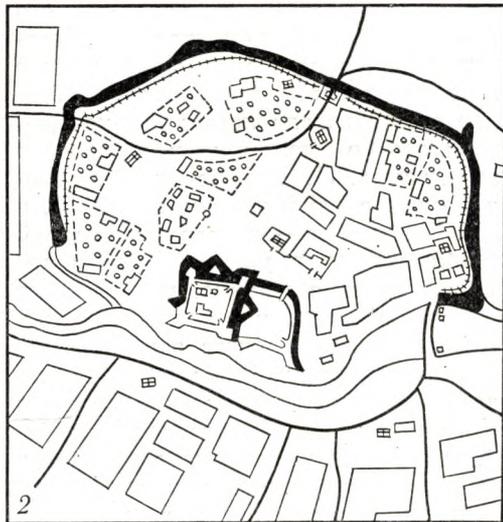
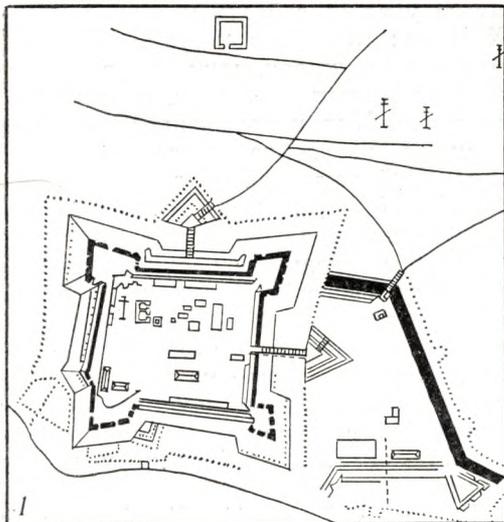

Рис. 1. Детинец древнерусского Юрьева:

1 — план Замковой горы 1734 г.; 2 — план Белоцерковской крепости 1769 г.; 3 — современный план Замковой горы. Съемка Белоцерковской экспедиции 1983 г.; 4 — расположение раскопов и шурфов на площадке Замковой горы.

и целый горшок высотой 25 см. Материалы датируются VI—VII вв. и имеют аналогии среди памятников пеньковской культуры¹⁵. Укрепления городища были частично повреждены, частично досыпаны при сооружении памятного знака (1980—1981), но, несмотря на отсутствие наблюдений за земляными работами, внешний облик земляных укреплений не вызывает сомнения в том, что они не имеют никакого отношения к фортификации XVII—XVIII вв.

Городище Замковая гора расположено в центре города, на левом берегу р. Рось (рис. 1, 3). Оно представляет собой прямоугольную в плане площадку 135×125 м с выступами бастионов, занимающую 1,85 га. Городище возвышается над рекой на 16 м, с напольной стороны (ул. Замковая) — на 5 м. Городище перекрыто городскими строениями. Территория, доступная для археологических исследований в 1978 г., первоначально составлявшая около 2,5 тыс. м², в 1982—1983 гг. сократи-

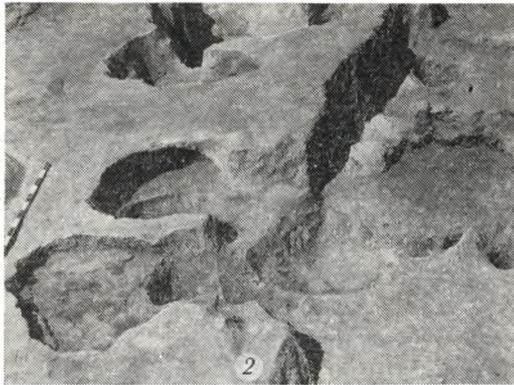

Рис. 2. Замковая гора:

1 — вид с запада на раскопы I и II; 2 — раскоп I, комплекс «поварни», постройка № 3 с печами-нишами; 3 — раскоп II, кладка апсиды храма; 4 — саркофаг у западной стены храма (погребение № 19).

лась из-за работ по упорядочиванию территории городища (рис. 1, 4).

Всего на Замковой горе на четырех раскопах и шурфах вскрыто около 1000 м² культурного слоя до глубины 3,5—4,5 м, обнаружены жилые и хозяйственные постройки XI—XIII вв. (четыре — XI в., шесть — XII—XIII вв.) и сопутствующие им хозяйственные ямы. У северного бастиона исследованы фундамент храма XII—XIII вв. и могильник XI—XIII вв. (рис. 2, 1).

После локализации городища Юрьева с епископской церковью на Замко-

вой горе стало очевидно, что границы современной площади крепости не совпадают с древнерусским городищем. Продолжение древней площадки городища следует видеть в возвышающемся над Росью участке к юго-востоку от Замковой горы — район современных 1-го и 2-го Замковых переулков. После строительства замка в 1550 г. этот район получил название «пригородок». В люстрации 1570 г. имеется описание: «...перед замком есть вал, за которым раньше пригородок опасливый для замка»¹⁶. «Опасливым» «пригородок» назван из-за возможности противника

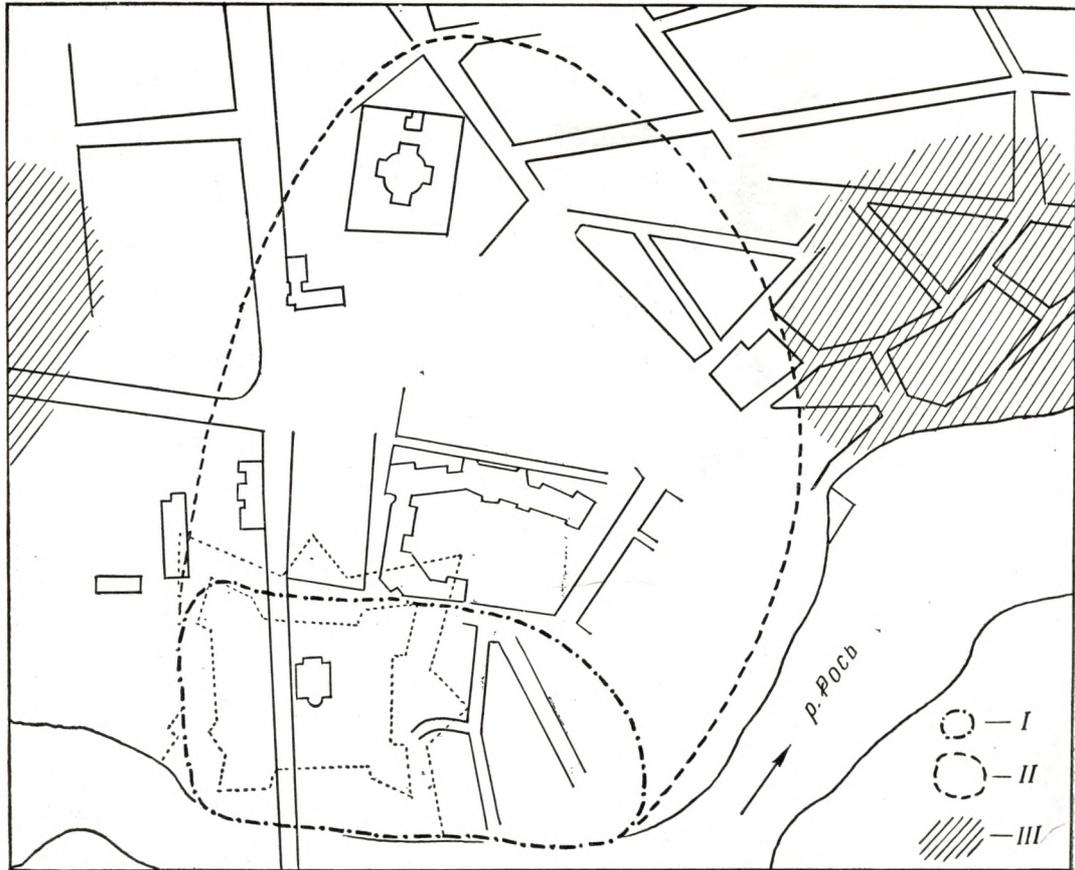

Рис. 3. Территория древнерусского Юрьева:

I — укрепленный детинец; II — укрепленный окольный град; III — заселенная округа. Вариант реконструкции Р. С. Орлова.

именно через него проникнуть в замок. Название этого района города «пригородком» сохранилось и позже, когда в люстрации 1769 г. упоминаются его отдельные укрепления: «...за той башней пригородок, т. е. равнина, за которой есть вал небольшой, между тем валом и вторая деревянная башня...»¹⁷.

Наблюдения за земляными работами в районе «пригородка» выявили культурный слой с древнерусской керамикой, пряслицами, стеклянными браслетами. Таким образом, имеются основания для предположения, что городище Юрьев включало и «пригородок». Сказанное подтверждается и архивными планами города и крепости 1734 и 1769 гг. (рис. 1, 1, 2)*. На обоих пла-

нах обозначен «пригородок», примыкающий к замку и приблизительно равный ему по площади. Сохранившийся чертеж профиля через вал и ров крепости (на плане № 2) показывает незначительный перепад высот между замком и «пригородком», что подтверждает искусственное происхождение рва, выкопанного для создания прямоугольника замка между бастиянами. Возможно, первоначально укрепленная площадь Юрьева (детинец) составляла 4 га.

Сложнее определить территорию примыкающего к детинцу окольного града. Культурный слой древнерусского времени прослежен в усадьбах Сельскохозяйственного института и Спасо-Преображенской церкви (разведочная шурфовка 1982 г.), а также по ул. Росовой. При рытье котлована на пл. Сво-

* Хранятся в ЦГВИА СССР в Москве, ф. 349, оп. 3, № 2162/1—2, 4463.

боды (1982) найдена керамика XII—XIII вв. Приведенные данные позволяют отнести к окольному граду часть территории, которая на плане 1769 г. обнесена валом с частоколом (рис. 3), что составляет более 10 га. Наблюдения за траншеей на ул. Советской (1978—1979) и за прокладкой коммуникаций в городском парке между улицами Советской и Росевой показали отсутствие сколько-нибудь значительного культурного слоя. Здесь же отмечен высокий уровень грунтовых вод (глубина около 1,0—1,5 м). Возможно, этот район, примыкающий к реке и заболоченный, следует исключить из древнерусской застройки. Приведенные данные позволяют отнести городище Юрьева к мысовым, а развитие окольного града определить в направлении к востоку от детинца (рис. 3, 1—3). Точнее определить территорию, занимаемую Юрьевым и средневековой Белой Церковью, можно будет только после многолетних постоянных наблюдений за земляными работами в городе.

На всех четырех раскопах, шурфах и траншеях обнаружена сложная стратиграфия памятника. Мощность культурного слоя в раскопе I (у южного бастиона) была максимальной и достигала 3,5—4,5 м. Возле северного бастиона на раскопе II отмечена минимальная глубина залегания материала — 0,4—1,5 м. Данное обстоятельство объясняется не столько земляными работами по устройству укреплений замка, сколько плановой структурой детинца: плотная жилая и хозяйственная застройка на месте раскопов I и IV способствовала росту напластований и, напротив, консервировала уровень древнего горизонта на месте храма и могильника (раскопы II и III) (рис. 1, 3, 4).

Наибольшая информация о стратиграфии и хронологии получена в раскопе I. Для него был выбран единственный свободный от застройки и деревонасаженный участок возле южного бастиона (рис. 1, 4). Площадь раскопа 366 м², глубина до материкового суглинка от 2,2 до 4,5 м. Для стратиграфической привязки объектов была осуществлена частая сетка разрезов (че-

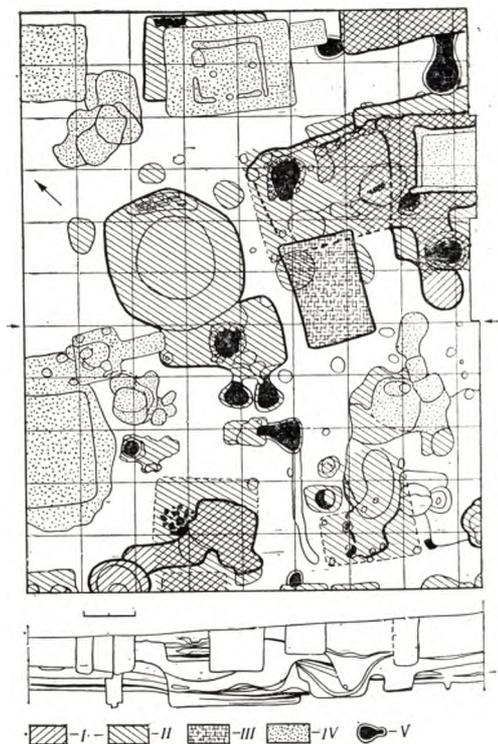

Рис. 4. План построек в раскопе I на уровне материка (2,2—4,5 м от современной поверхности):

I — постройки XI в.; II — постройки XII—XIII вв.; III — постройка XIV—XV вв.; IV — постройки XVII—XVIII вв.; V — поды печей XI—XIII вв.

рез каждые 4 м). Всего получено семь разрезов общей протяженностью в 105 м.

Полученная стратиграфическая схема позволила установить, что по всей площади раскопа на глубине 1,7—2,2 м от современной поверхности выделяется горелый слой мощностью до 0,2—0,3 м. Ниже пожарница, иногда перекрытые им, находились постройки с материалами XI—XIII вв., выше — преимущественно с материалами XVII—XVIII вв. Слой пожарница обнаружен и в раскопе IV (у западного бастиона), и в шурфе (площадью 16 м²) возле алтарной части костела. Этот слой состоит из одинаковых слоев по всей исследуемой территории детинца и завершает древнерусский период жизни города. Именно здесь, в раскопе IV (1983), обнаружен обгоревший скелет ребенка, а рядом — целый ошлакованный горшок. Имеются все

основания предполагать, что застройка детинца погибла в годы нашествия хана Батыя, то есть около 1240 г.

Другая пожарная прослойка связана не со всей площадью раскопа, а только с постройками № 1, 4, 5. Она лучше прослежена в углубленных в материк подклетах (рис. 4). В качестве примера рассмотрим жилую постройку № 1 (раскопки 1978 г.). Подклеть постройки заполнена развалом печи, рухнувшей с верхнего этажа при сильном пожаре, уничтожившем город в середине XIII в. Под развалом печи и следующей ниже гумусной прослойки — горелый слой с материалами XI в. На одном уровне с полом XI в. прослежен коридор, соединявший подклеть с хозяйственной ямой. Показателем материала из ямы — донышки остродонных стеклянных кубков и венчики, характерные для горшков (см. рис. 8, 18). Подобная стратиграфическая ситуация восстанавливается для построек № 4 и 6. Подклеть после пожара была значительно увеличена (с 16 до 25—30 м²) (рис. 4). Как и постройка № 4 (XI в.), постройка № 6 (XII—XIII вв.) многокамерна: к жилой подклети с печью примыкает пристройка столбовой конструкции с печью.

Материалы из слоя выше и ниже пожарной прослойки фиксируют два этапа Юрьева до нашествия орд хана Батыя. Наиболее вероятно этот слой соотносится с летописным пожаром 1095 г. Неожиданно интересным оказался сам факт восстановления жилищ на прежних местах, хотя и с последующими перестройками. Восстановлены и хозяйственные постройки № 3, 7. Так, амбар (вежа — ?) диаметром более 5 м, глубиной 4,5 м, дошедший до нас в своей подземной части, дает в нижних прослойках заполнения керамику XI в., а в верхних — XII—XIII вв. Этот факт объясняется не только небольшим перерывом (восемь лет) до восстановления города, но и тем, что жители ушли из города. «Половцы же приидоша за Рось, гюргевци же выбыюша и идоша Къеву. Святополкъ же повеле рубити городъ на Вытечевь холму, в свое имя нарек Святополчь город, и повель епископу Марину съ гуревци състи ту, и засаковцем, и

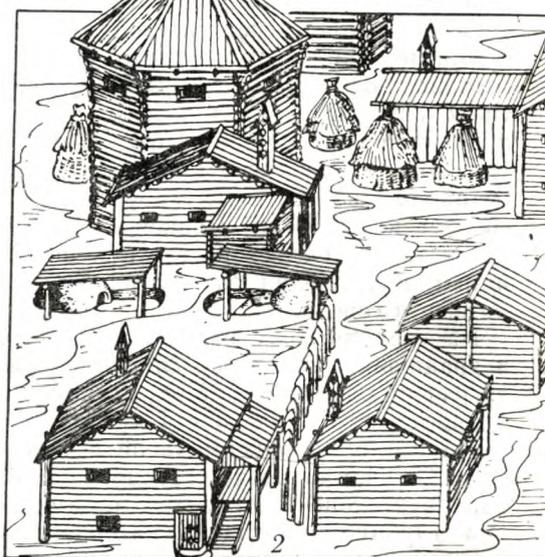
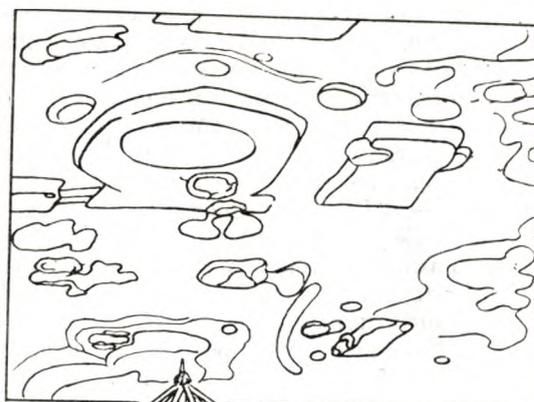

Рис. 5. Комплекс поварни из раскопа I:

1 — аксонометрия участка; 2 — застройка XII—XIII вв. Реконструкция Р. С. Орлова.

прочим от инѣхъ градъ, а Гюргевъ загоша половци тощъ» (ПВЛ, под 1095 г.). Очевидно, возвратившись в 1103 г., жители Юрьева заняли свои участки и отстроили жилища. Об этом свидетельствует и дворово-усадебная застройка детинца Юрьева.

Отмеченная особенность планировки детинца подтверждается жилищно-хозяйственным комплексом поварни (раскопки 1980—1981 гг.). Входившие в него печи и хозяйственные постройки размещены вокруг небольшого двора, примыкающего к жилой постройке № 1 (рис. 2, 2). Таким образом, в реконструируемую усадьбу входят:

1) жилой комплекс (горница с печью на подклете); 2) хозяйственная постройка с двумя печами-нишами; 3) хозяйственная постройка с тремя печами (две нишеобразные) (рис. 2, 2); 4) примыкающий к ней амбар (вежа?) со сложным отопительным устройством и погребом; 5) три печи-ниши с предпечными ямами, вынесенные во двор; 6) четыре-пять хозяйственных ям, расположенных вокруг амбара (рис. 5, 1, 2).

Усадьба с поварней отражает все основные типы построек и их конструктивные особенности на детинце Юрьева. Встречены постройки каркасно-столбовые (подклети жилых построек № 1, 4, 6), срубные (подклети построек № 5, 7, 9). Прослежены как однокамерные, так и двухкамерные постройки, площадью от 14 до 40 м², квадратные или удлиненные в плане. Они углублены в материк от дневной поверхности на 1,0—2,5 м и ориентированы углами по сторонам света.

Амбар, редко фиксируемый при раскопках, в плане шестигранник, прослежен благодаря размещению под ним погреба (ледника?). Он был построен в виде башни с верхним этажом, откуда рухнула вниз печь, сложенная из сырцовых кирпичей на глиняном растворе.

Печи в других постройках можно условно разделить на две группы: каркасно-глинобитные и вырезанные в материке в виде ниш. Каркасно-глинобитные печи, как правило, с хорошо сохранившимися подами диаметром 1—1,3 м, размещались на материковом сланце (постройка № 3) на уровне пола (постройка № 6) или на глиняной подушке (постройки № 1 и 6). Хозяйственные ямы вырезаны в материке, круглые в плане, с прямыми или расширяющимися ко дну стенками. Некоторые ямы соединены с подклетами жилых построек «подземными» коридорами (постройки № 1 и 4), а находящиеся во дворе — со ступеньками. Отметим, что конструктивные особенности построек детинца Юрьева имеют аналоги в Киеве, Белгороде, Переяславле и других южнорусских городах. Так, даже редкий тип городской построй-

ки — поварни с нишеобразными печами — известны в Белгороде и на поселении Ревно IB¹⁸.

Многочисленные находки из построек и культурного слоя определяют социальный тип городища на Замковой горе — детинца города, который не столько производил, сколько потреблял ремесленные изделия, импорт, перерабатывал сельскохозяйственную продукцию. Сельскохозяйственная деятельность представлена немногочисленными орудиями обработки почвы — мощным симметричным лемехом, череслом, оковками лопат. Намного больше найдено орудий переработки урожая — десятки обломков жерновых камней от мельничного постава из туфа, диаметром 40—50 см.

Находки обуглившегося зерна (просо, пшеница, овес) в постройке и хозяйственной яме зафиксированы по трассе строящегося в 1957 г. шоссе. В сгоревшей постройке неподалеку от раскопа I (шурф I, раскопки 1978 г.) около печи и между жерновами найдено около 2 кг обуглившегося зерна. Это зерновки карликовой и мягкой пшеницы, примесь пшеницы двузернянки, овса, ржи и пр. В комплексе поварни (постройка № 2) в обугленном слое обнаружено 5 кг проса и просяной муки (определение Г. А. Пашкевич).

Из ремесленных изделий лучше всего представлена многочисленная глиняная посуда. Наиболее распространенный тип кухонного горшка с середины XI в. до середины XIII в. претерпел изменения в оформлении венчика и декора. Горшки XI в. декорируются врезными линиями редко, закраина на венчиках едва намечена, сваружи — мавжет (рис. 6, 9—12). Тесто с примесью мелкого песка, без примеси минерала — отсутствуют золотистые блестящие гнейсы. Цвет керамики охристый, белый. Горшки XII—XIII вв. имеют валькообразные венчики, но к началу XIII в. преобладающим становится тип горшка с вертикально поставленной шейкой и горизонтальной закраиной (рис. 6, 1—8; 7). Нередко декор выполнен в виде линий, волны, зацепов переходя с плечиков на корпус. Около половины горшков сохранили следы росписи или ангобирования

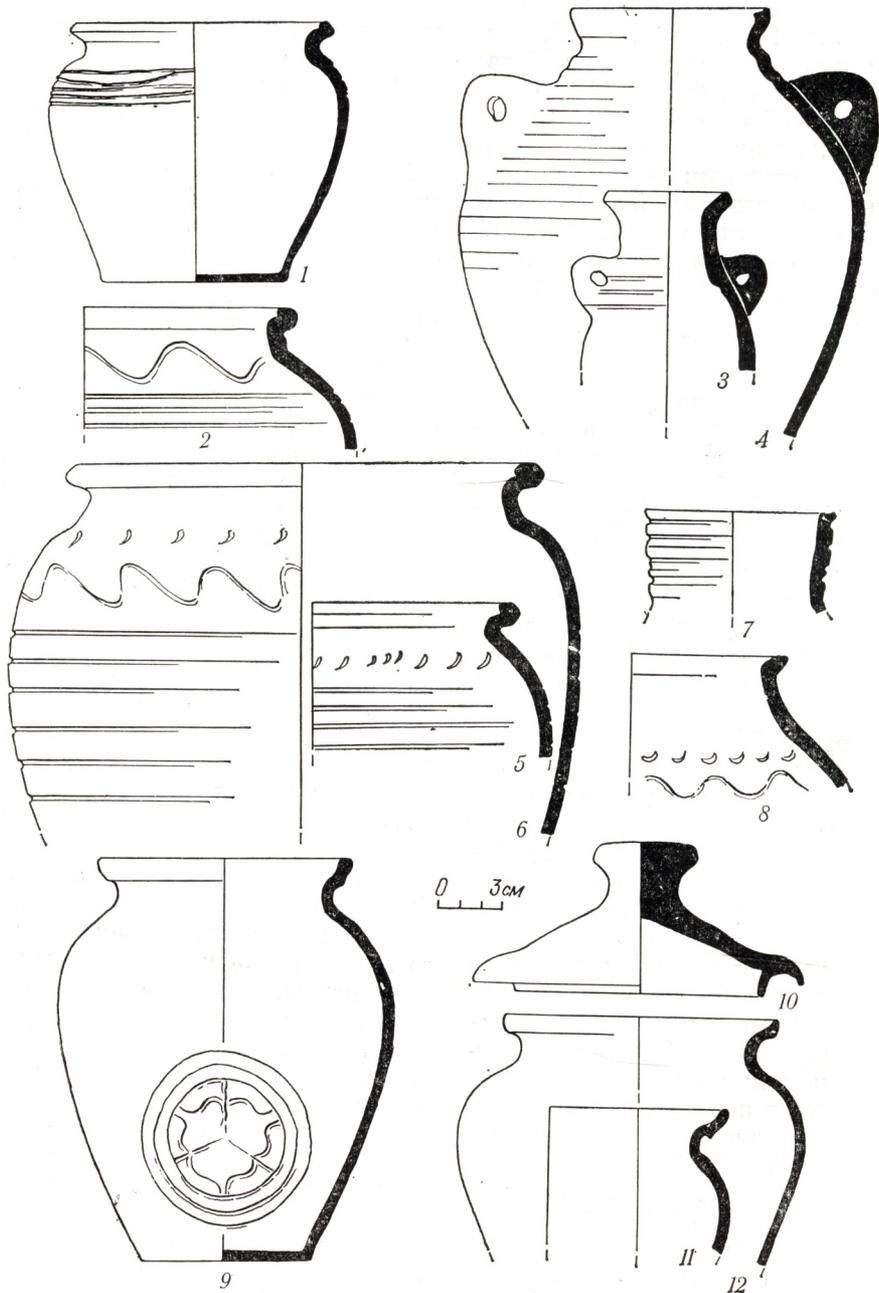

Рис. 6. Глиняная посуда из построек № 4 и 6:
 1-8 — постройка № 6; 9-12 — постройка № 4.

(снаружи и внутри до горловины). Встречаются амфорки киевского и волынского типов. Найдены обломки двуручного сосуда типа пифоса (рис. 6, 1-8, 7, 1-15). Часть посуды из белой глины (кувшины). Обычна при-

мель минерала (золотистые блестки). Одна из белоглиняных амфорок киевского типа с врезным узором, имитирующим плетенку, покрыта светло-зеленой глазурью. В целом в Юрьеве преобладают южнорусские типы посуды.

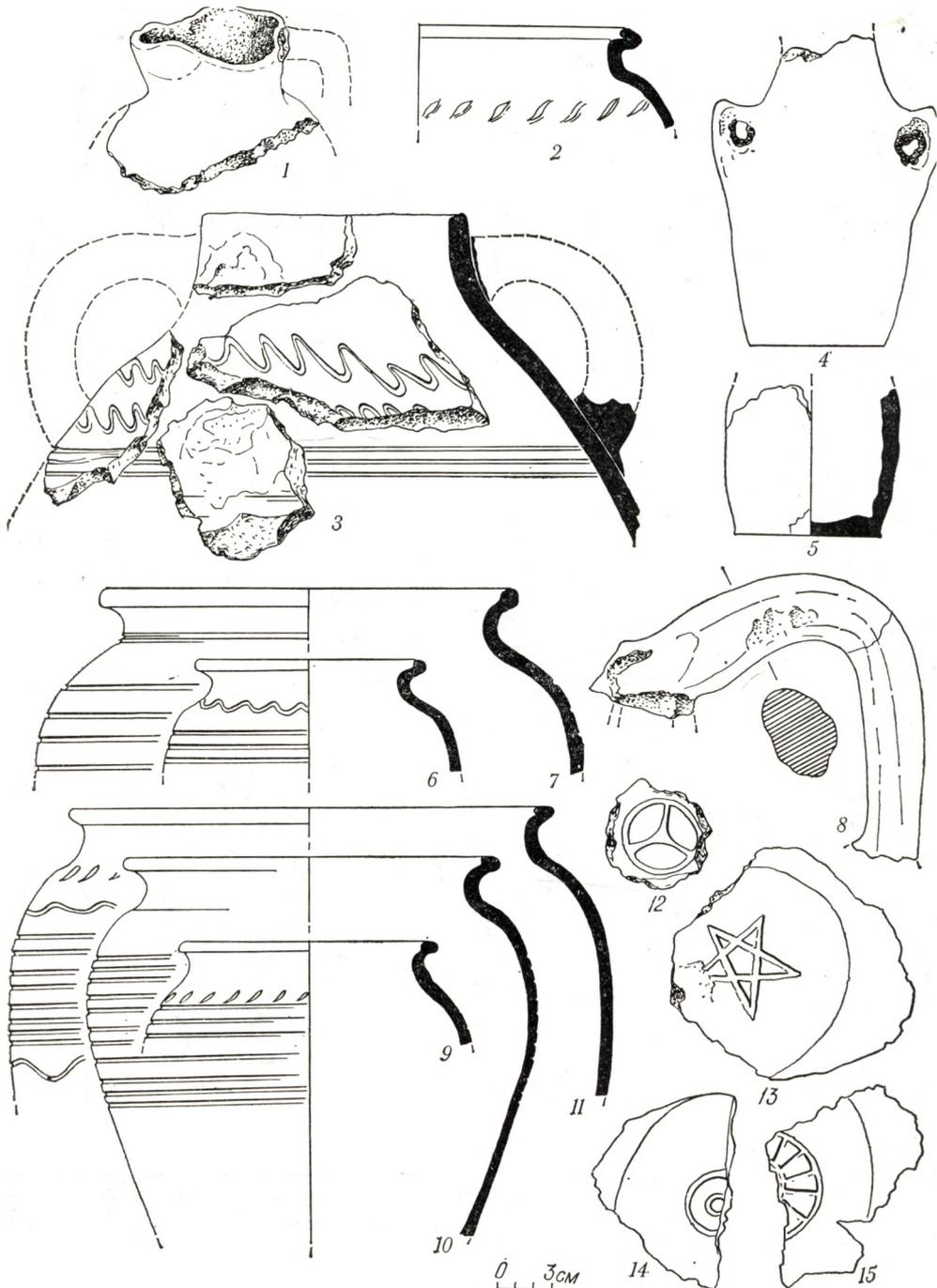

Рис. 7. Посуда из постройки № 3 (поварня), относящаяся к XII—XIII вв.

Часть горшков имеет на донцах клейма (рис. 6, 9; 7, 12—15). Найдены обломки писанок с росписью в виде скобок желтого цвета.

В заполнении построек обнаружено более 200 обломков византийских амфор: рифленые стенки, ручки, горловины (красноглиняные со светлым анго-

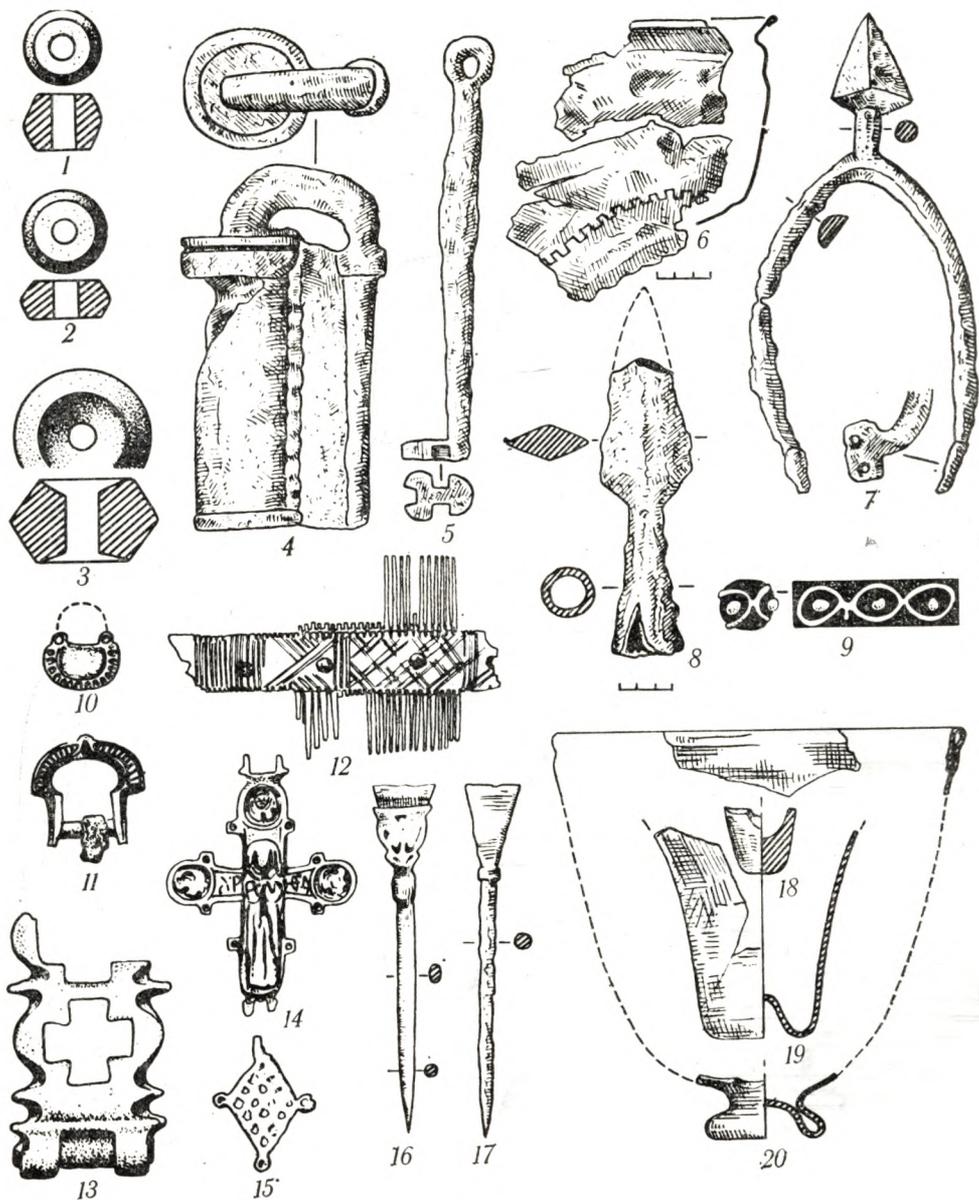

Рис. 8. Материалы из построек XI—XIII вв.:

1—3 — пряслица из пирофиллита; 4, 5 — замок и ключ из постройки № 2; 6 — медный котелок; 7 — шпора; 8 — наконечник копыя; 9 — стеклянная бусина; 10 — колт из постройки № 3; 11 — пряжка; 12 — костяной гребень из постройки № 2; 13 — обломок цепи хороса из постройки № 2; 14 — энколпион, случайная находка; 15 — крестовидная подвеска; 16, 17 — писала, медное и железное; 18—20 — обломки стеклянных кубков.

бом). Обломки одной амфоры находились в заполнении двух последних построек (№ 2 и 3) из комплекса поварни. Амфоры относятся к типу больших грушевидных с дуговидными ручками, распространенному на Руси в XII—XIII вв. (рис. 7, 8)¹⁹.

Другой массовой продукцией городского ремесла являются пирофилитовые пряслица, коллекция которых, включая фонды краеведческого музея, составляет свыше сотни экземпляров. Диаметр пряслиц колеблется от 2,0 до 3,5 см, высота от 0,9 до 2,1 см (рис. 8, 1—

Таблица 1. Основные характеристики Яблоновских курганов *

Курган, №	Диаметр, м	Высота, м	Угли около умерше- го	Керамика		Ножи	Кре- сала	Стре- лы	Другие вещи	Примечание
				в на- сыпи	в по- гребен- ии					
1	8	0,8			х				Височное кольцо с заходящими концами	
2	8	1,35				х	х	х	—	Захоронение двух воинов, кремация
3	8	0,45								
4	9,5	1,1					х	х	Наконечник копья, сабля, кинжал	
5	8,5	1,1	х			х		х	Оселок, поясное кольцо	
6	6	0,6			х		х	х	Сабля	
7	6	0,7			х			х	—	
8	5	0,4			х			х	2 поясных кольца	
9	6	0,5				х	х		—	
10	5	0,6			х		х		2 поясных кольца	
11	6	0,5		х						Кенотаф
12	4,5	0,6								
13		0,6				х			Поясное кольцо	»
14	5	0,55					х	х		
15	8	0,6		х		х			Зеркало	
16	10	0,9	х						Пряслице	Угли в насыпи
17	9	1		х			х	х	Сабля, 2 поясных кольца	
18	6	0,6	х	х		х		х		
19	8	0,7				х		х		
20	4,8	0,4		х						Кенотаф
3	10	0,9		х			х	х	Кольцо	
4	6	0,45		х						Возле умершего кость лошади
22	6	0,7								
27	8	0,8		х		х			Браслет, подвески	
32	7,4	0,4				х			Ножницы	
42	8	0,7	х			х			Бусина	
48	5,6	0,3			х	х			Пряслице	
50	4,3	0,3							Наконечник сулицы, кремень	
56	6	0,65							Кремень, терочник	
60	6	0,75	х							В насыпи кость овцы
67	7	0,6	х			х	х		Вотивный топорик, оселок, 2 поясных кольца	
69	8	0,74	х			х	х	х	Щит, сабля, оселок, пряжка, ножницы	Парное
73	6	0,45	х						Ножницы	
76	6	0,65		х	х	х	х	х	Тесло, 2 пряжки, крючкообразный предмет	Парное
82	7	0,4				х		х	Пряжка, крючкообразный предмет	Возле умершего кость животного
85	6	0,3				х				
88	6,5	0,4				х	х			
90	5	0,4				х				
93	7	0,7			х	х			Пряслице	
94	5,5	0,4			х	х			Части сбруи	
101	5	0,3				х			Кольцо	

* Номера курганов (кроме первых 20, раскопки Л. С. Башинской) соответствуют нумерации на рис. 12.

Курган, №	Диаметр, м	Высота, м	Угли около умершего	Керамика		Ножи	Кресала	Стрелы	Иные вещи	Примечание
				в насыпи	в погребении					
102	6	0,65			х	х	х	х	Меч, тесло, поясное кольцо, шило (?)	Тройное, возле умерших кости овец Кенотаф
103	6	0,4			х					
106	6	0,5	х			х	х			
109	6	0,4				х	х			
111	7	0,45								
119	8	0,8	х		х	х		Ножницы, пряслице		
120	6	0,3	х		хх			Бусина		
121	10	1,3	х		х	х	х	Оселок, кольцо		
124	6	0,5	х		х		х	Наковечник копья		
126	7	0,5								
130	7	0,4				х		Кремень		
134	6	0,4	х			х		Тесло		
146	12	1,1								
151	9	1	х		х			Пряжка, ножницы, колокольчик, зеркало	Ограблен	
154	5	0,15				х				
156	6	0,4				х		Пряжка, костяная пластинка		
157	6	0,4		х				Зеркало	Кенотаф	
158	5	2,2					х	Пряжка		
159	6	0,55	х	х					Парное	
162	7	0,45				х	х	Деталь сбруи		

3). Стекланные изделия представлены кубками остродонными и на поддоне (рис. 8, 18—20), браслетами, перстнями, бусами. Если среди последних встречаются привозные глазчатые (рис. 8, 9), то распределение браслетов по цвету и форме указывает на древнерусское, возможно, киевское производство (табл. 1). Некоторые находки служат хронологическим показателем: стекланные кубки с поддоном из заполнения постройки № 2 датируются XII — первой половиной XIII в. (рис. 8, 20); цилиндрическая золоченая бусина с каймой из стекла по краям золотой прокладки, найденная в застройке квадратов 41—61, — второй половиной XI в.²⁰

Изделия кузнецов представлены ножами, цилиндрическими и навесными замками (5 экз. — XII—XIII вв.), ключами, кольцами, а мастеров-медников — обломками клепаных котелков (рис. 8, 4—6).

О военном деле свидетельствуют находки шпор, псалий, трезельное коль-

цо, наконечники стрел, копий (рис. 8, 7, 8). В фоедах краеведческого музея хранятся наконечники копий, топоры и меч (найденный на дне р. Рось). К высокохудожественным изделиям относятся крест-энколпион, литой подсвечник, лировидные пряжки, колт, обломок цепи хороса, косорешетчатая и круглая ажурная подвеска с включенным крестом и некоторые изделия косторезов: накладки, рукояти ножей, двусторонний наборной гребень (рис. 8, 10—15).

Из горелого слоя постройки № 2 происходит византийская шелковая ткань. Она двухцветная (червчатая и желтая), узорная, типа двухслойной саржи с двумя основами и двумя утками. На ткани — шитье из нитей византийского производства (шелковые нити, опряденные позолоченными полосками серебра). Шитье выполнено напроем двумя типами швов. Узор воспроизводит сетку из диагональных квадратов с вписанными в ячейки равноконечными крестами (рис. 9).

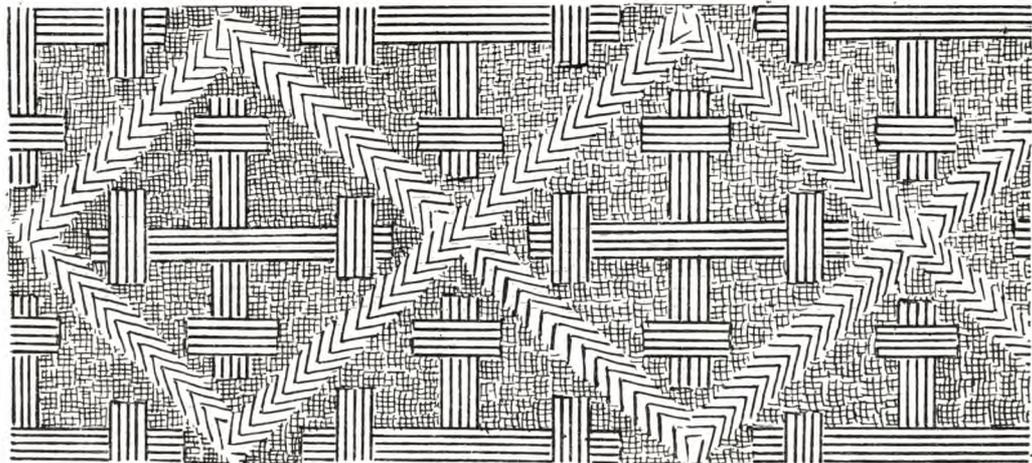

Рис. 9. Фрагмент византийской шелковой ткани с древнерусским шитьем XII—XIII вв. (постройка № 2).

Орудия письма представлены писалами (стилями): тремя железными с лопаточками трапециевидной формы и одним бронзовым с фигурной лопаточкой и растительным узором (рис. 8, 16, 17). У одного из железных писал стержень витой. Орудия письма относятся к общерусским и демонстрируют обычное для древнерусских городов преобладание железных изделий над бронзовыми²¹.

Приведенные выше летописные сведения о юрьевских епископах указывают на религиозную функцию города, на размещение в нем центра епархии. Епископский храм города исследован возле северного бастиона крепости в раскопе II площадью около 280 м² (раскопки 1981—1983 гг.). На этом участке Замковой горы в 1981—1982 гг. удалось вскрыть восточную часть храма, а в 1983 г. — западную. Из-за наличия коммуникаций, деревьев, многочисленных перекопов неглубоко залежавший фундамент сохранился не полностью (рис. 10).

Наиболее изучены фундаменты северной и центральной апсид и северной стены (рис. 10). Сохранность фундаментов различна — от одного до трех рядов кладки. Нижний ряд кладки северной стены состоит из валунов местного гранита, достигающих в поперечнике 0,5—0,7 м. Из таких же камней сложен выступ под лопатку. Внутренняя забутовка из более мелких

камней. Из камней меньших размеров сложен фундамент апсид, глубина залегания которого значительно меньше, чем стены (0,7—0,8 м). Стены и верх фундаментной кладки не сохранились, кроме нескольких участков в месте состыковки фундамента северной стены и апсид, где сохранились фрагменты выравнивающей кладки. Ширина кладки 1,4—1,5 м, в апсидах — до 1 м (рис. 2; 10).

В качестве связывающего раствора в кладке фундамента использована глина, но некоторые части сложены насухо. Поскольку уровень пола храма практически соответствует современной поверхности, а южная часть раскопа в связи с понижением в сторону шоссе была выше, то крупных скоплений строительных развалов стен не встречено. Большое количество строительных материалов найдено в котловане к северу от апсид храма, где в древности рельеф местности понижался.

Большинство плинф, выявленных на раскопе, красновато-коричневого цвета, но встречаются и светло-бежевые кирпичи. Формовка грубая, размер отдельной плинфы колеблется в пределах 1 см. Постелистая сторона неровная, верхняя часть сохраняет отпечаток формы. Лекальная плинфа не найдена. Размеры целых плинф (см): 25,5—26×18,5—19×3,5—4,5; 29×21×4; 28×20×3,5; 26×18,6×3,5.

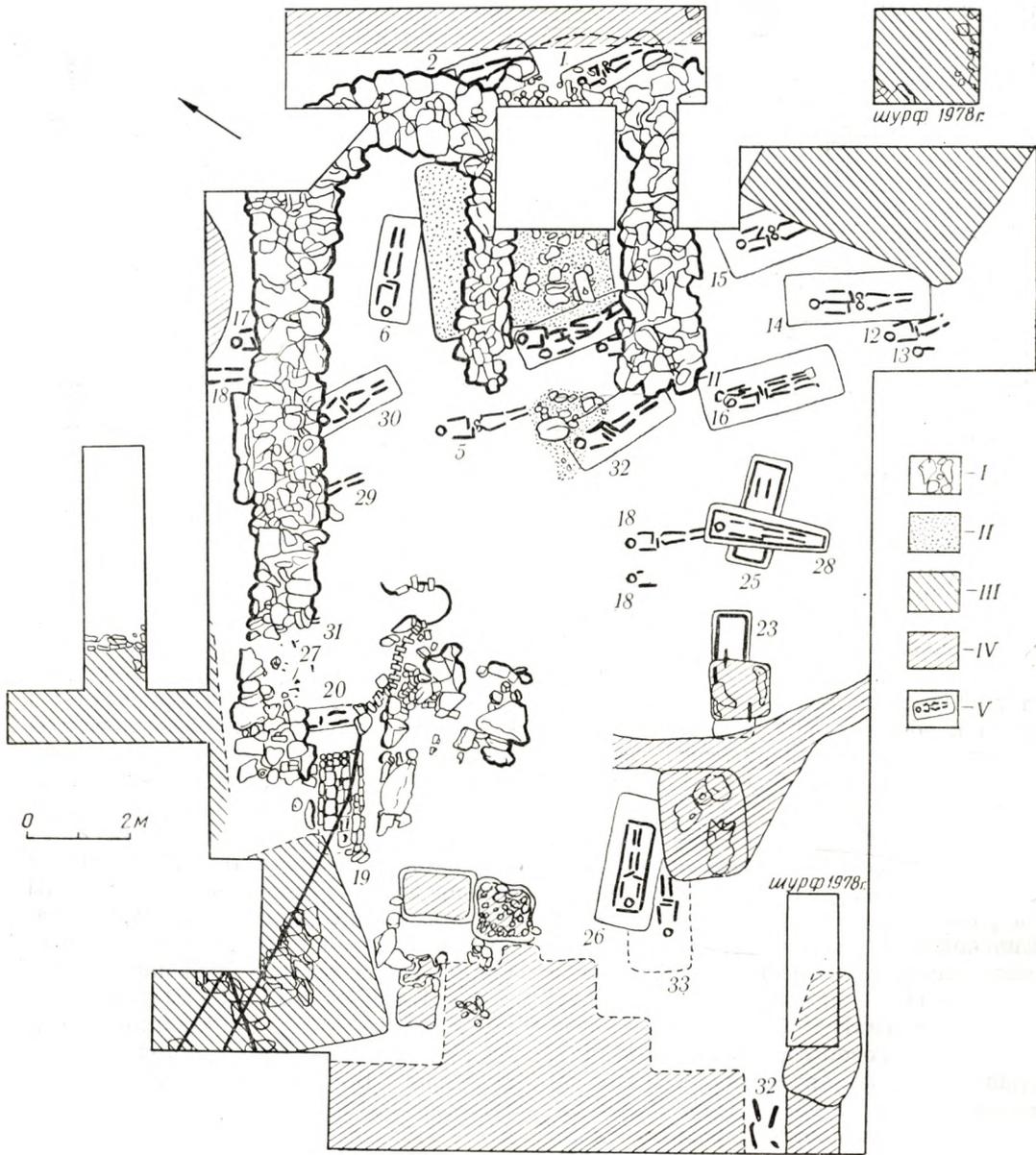

Рис. 10. Раскоп II:

I — фундамент храма; II — постройка XI в.; III — постройки XVII—XVIII вв.; IV — перекопы XIX — XX вв.; V — погребения.

Разброс плинфы по толщине значителен, но основная масса 3,5—4,5 см. На постелистой стороне некоторых плинф следы известкового раствора; клейма и знаки отсутствуют. Кроме того, с площадки раскопа происходят обломки брускового кирпича («пальчатки»). Размеры целых кирпичей

(см): 25,9×11,5×6,9; 24,6×11,1×7,1; 26,5×11,1×7,4; 26,5×11,4×6,8.

Отметим, что аналогичные плинфы и кирпичи встречены в культурном слое детинца во всех раскопах и шурфах, где стратиграфически привязываются к заполнению построек XII—XIII вв. или к слою пожараща,

завершающему древнерусскую историю Юрьева.

На месте предполагаемого северо-западного угла храма расположен водораспределительный колодец (XX в.). Около него открыт с внутренней стороны северной стены саркофаг (рис. 3, 4), стенки которого сложены из брускового кирпича (24,5—26,5×11—11,5×6,9—7,4 см), а дно — из плинфы (28—29×20—12,5×3,5—4 см). Следы повторного использования строительных материалов отсутствуют. Последнее обстоятельство является серьезным аргументом в пользу мнения об одновременном сооружении храма и саркофага.

Длина храма фиксируется отдельными камнями кладки западной стены, сохранившейся на материке, в северо-западной части раскопа, а развал камней на материке соответствует фундаменту северо-западного столба. Итак, результаты исследования позволяют сделать вывод, что открытый храм был трехапсидной четырехстолпной постройкой, длиной около 18, шириной 12 м. Дата храма определяется плинфой, которая по своим размерам ближе всего плинфе таких памятников Киева, как ротонда, храм в Нестеровском переулке, церковь Гнилецкого монастыря, малый храм в Белгороде. Перечисленные постройки относятся к концу XII — первой половине XIII в. Отметим, что в постройках Киева этого времени наряду с плинфой использовался и брусковый кирпич²².

Исследованный фундамент соответствует его положению на плане 1734 г. Белоцерковского замка. Крестиком на плане обозначена капличка, упоминаемая в люстрациях. В соответствии с греческими каталогами епархий юрьевская епископская церковь была названа в честь Георгия (небесного патрона Ярослава Мудрого), возможно, уже в первые годы существования города и епископии²³. Материалы расположенного на территории церкви могильника свидетельствуют в пользу высказанного предположения: фундамент храма перекрывает часть погребения с материалами XI в., то есть первая церковь была деревянной или каменной, но находилась в стороне от храма XII — первой половины XIII в.

Древнерусский христианский могильник исследовался в раскопе II в 1981—1983 гг. (рис. 1, 4). В раскопе III найдены три погребения, ориентированные по оси храма, в раскопе II — девять. Еще 25 погребений имеют отличную от храма ориентацию (восток — запад почти без отклонений) и расположены только в восточной части раскопа II под фундаментом апсид (рис. 10). Это наиболее ранний участок могильника, площадь которого увеличилась после сооружения каменного храма в западной части детинца. Интересно, что погребениям XI в. предшествует постройка с керамикой XI в., обнаруженная под центральной апсидой храма. Имеются все основания для того, чтобы отнести эту постройку к наиболее древним на детинце и, учитывая находку клейма в виде «мальтийского» креста в круге, связать ее с епископским подворьем.

Всего на могильнике исследовано 36 погребений, часть из которых частично разрушена при разновременных земляных работах. Прослежено около десятка полностью разрушенных погребений, плохо фиксируемых из-за небольшой глубины залегания (до 1,3 м от современной поверхности под асфальтом). Кроме того, несколько десятков погребений было уничтожено при рытье котлована под фундамент нового здания краеведческого музея весной 1983 г. (сотрудниками музея подобраны только несколько черепков и проволочное витое кольцо). Могильник бескурганый. Умершие, ориентированные в западном направлении (с сезонным отклонением от оси запад — восток отдельных могил), лежали в неглубоких ямах — 0,3—1,3 м от современной поверхности. В большинстве захоронений обнаружены гвозди и древесный тлеп — следы гробовищ. В тех случаях, когда удавалось проследить особенности гробов, они представляли собой прямоугольную конструкцию.

Хорошо прослежены детали гробов в погребениях № 23 и 25. Так, в последнем захоронении гробовище имело размеры 1,90×0,60 м при высоте 0,40 м (рис. 11, 1—6). Толщина досок 3,5—4,5 см. В конструкции использо-

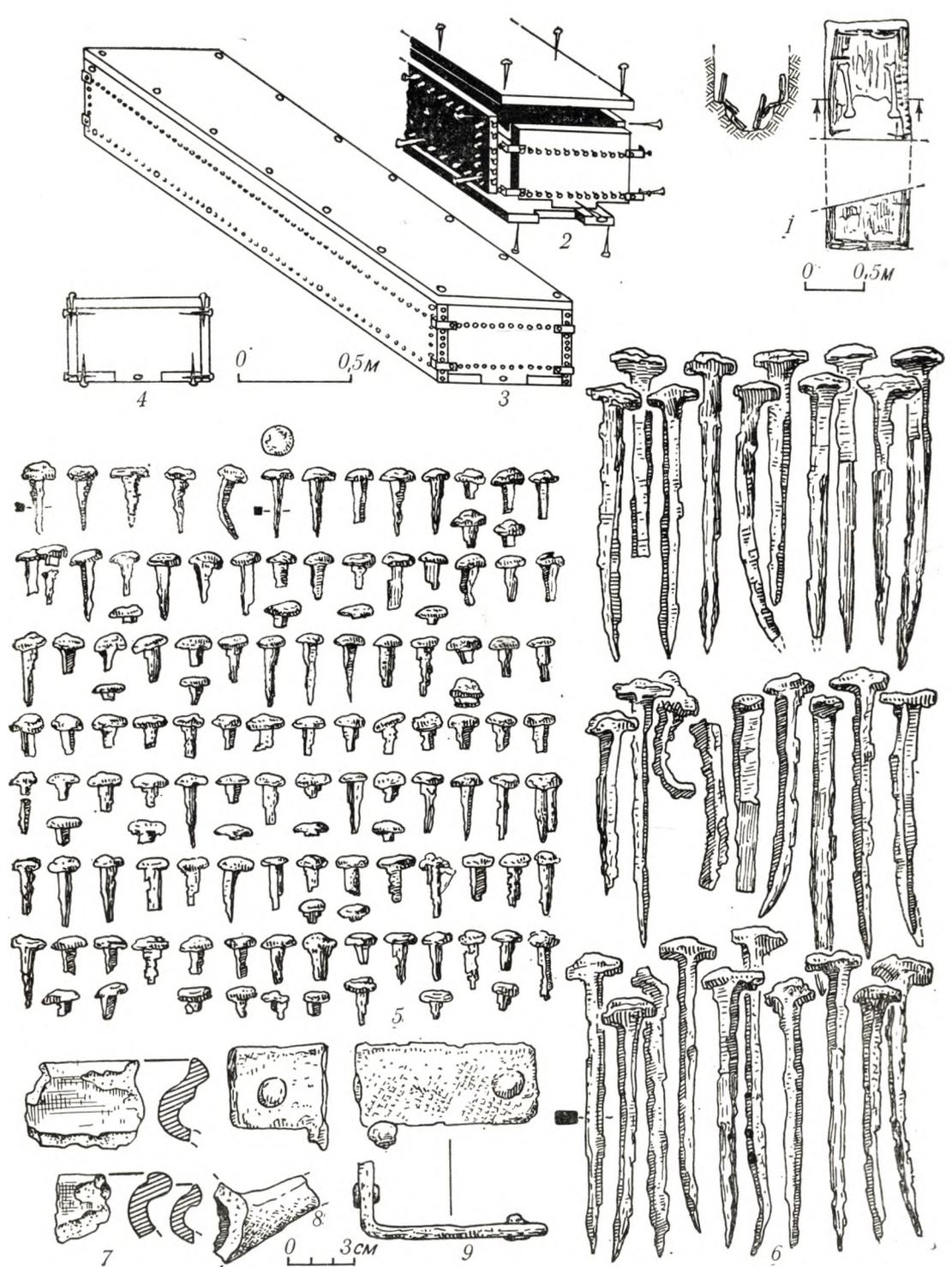

Рис. 11. Раскоп II, погребение № 25 в южной апсиде храма:

1 — план и стратиграфический разрез погребения; 2—4 — реконструкция саркофага Р. С. Орлова; 5 — декоративные гвозди; 6 — гвозди от конструкции; 7 — керамика в засыпке; 8 — железный уголок.

вано большое количество (выше 30) гвоздей для скрепления досок (длина гвоздей 14—15 см). Гвозди меньших размеров, длиной около 3 см, количество которых точно не устанавливается (обнаружено 123), применялись для декоративной отделки гробов. Торцевые и боковые доски, кроме гвоздей, соединялись еще и железными уголками шириной 3,5 см, на которых прослежены отпечатки ткани (рис. 11, 9). Аналогичная конструкция гроба в захоронении № 23 дополняется декором из штампованных медных бляшек в виде восьмилепестковых розеток, диаметром 1,5 см. Верхняя крышка гробовища была обита тканью красного цвета, остатки которой прослежены под розетками. Погребения в связи с описанной отделкой гробов можно отнести к захоронениям знати. Подтверждается это и остатками шелковой ткани и парчи (обшивки ворота) в погребении № 23. Возможно, в деревянном саркофаге погребен один из юрьевских епископов, правивших в конце XII — начале XIII в. Им мог быть Андриан (упоминаемый в 1190, 1197 гг.) или Алексей (упоминаемый в 1225 г.).

Инвентарь немногочислен. Он обнаружен только в четырех захоронениях. В погребении № 4 в области таза умершего найдены бронзовые лировидная пряжка и два поясных кольца; на груди погребенного в захоронении № 15 — железный крестик с петелькой (29×23 мм). Пастовая бусина из синезеленого стекла выявлена возле черепа в погребении № 10; в погребении № 3 возле шейных позвонков расчищены две круглые металлические пуговицы. Отметим, что инвентарь связан с погребениями только первой группы и свидетельствует о функционировании могильника в XI—XII вв.

Кроме того, под черепом и стопами скелета погребения № 11 найдено по одной керамической плите (21×21×1,4 см) — обычай, известный в некоторых некрополях древнерусских городов (Киев, Любеч и др.) и, вероятно, использовавшийся представителями духовенства и феодальной знати²⁴. Одно из погребений второй группы (№ 19), размещавшееся в юго-западном углу северного нефа, совершенно

в саркофаге прямоугольной формы, размерами 2,20×0,90 м (рис. 3, 4). Стенки гробницы сложены в один кирпич — «пальчатка» (24,5—26,5×11—11,5×6,9—7,4 см) на глиняном растворе (местами сохранилось до трех рядов кладки). Дно саркофага выложено из той же плитки (28—29×20—21,5×3,5—4 см), что и храм. Инвентарь не найден.

Необходимо отметить, что во всех исследованных захоронениях (где это возможно было проследить) кисти рук погребенных лежали на груди или в области живота — то есть соблюдалось одно из правил христианской обрядности²⁵. На других христианских некрополях древнерусского времени такого единообразия не наблюдалось, что позволяет говорить об усиленном внимании церковников к соблюдению обряда захоронения.

Из всех захоронений выделяется погребение № 28, совершенное в трапециевидной яме и в гробовище такой же формы. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад, руки вдоль туловища. Погребение совершено позже захоронений второй группы и перекрывает могилу № 25. Засыпка ямы, состоящая из обломков кирпичей, плитки, раствора, свидетельствует о том, что оно совершено после разрушения храма. Скорее всего, захоронение совершено в золотоордынский период (середина XIII — начало 60-х годов XIV в.) по канонам мусульманской религии.

Расположение кладбища на детинце летописного Юрьева внутри и около храма древнерусского времени соответствует территории юрьевской епископии, неоднократно упоминавшейся в летописях.

Вновь детинец Юрьева заселяется в XIV—XV вв. К этому периоду относится постройка № 11, опущенная из слоя над пожарищем XIII в. (раскоп I). Из постройки происходит коллекция керамики, представленная горшками различных диаметров. Тесто белое или серое, тонкостенное с крупными зернами кварца, но чаще с примесью песка. Декор скромный: волна, линия на плечиках. На некоторых горшках и горловинах белоглиняных

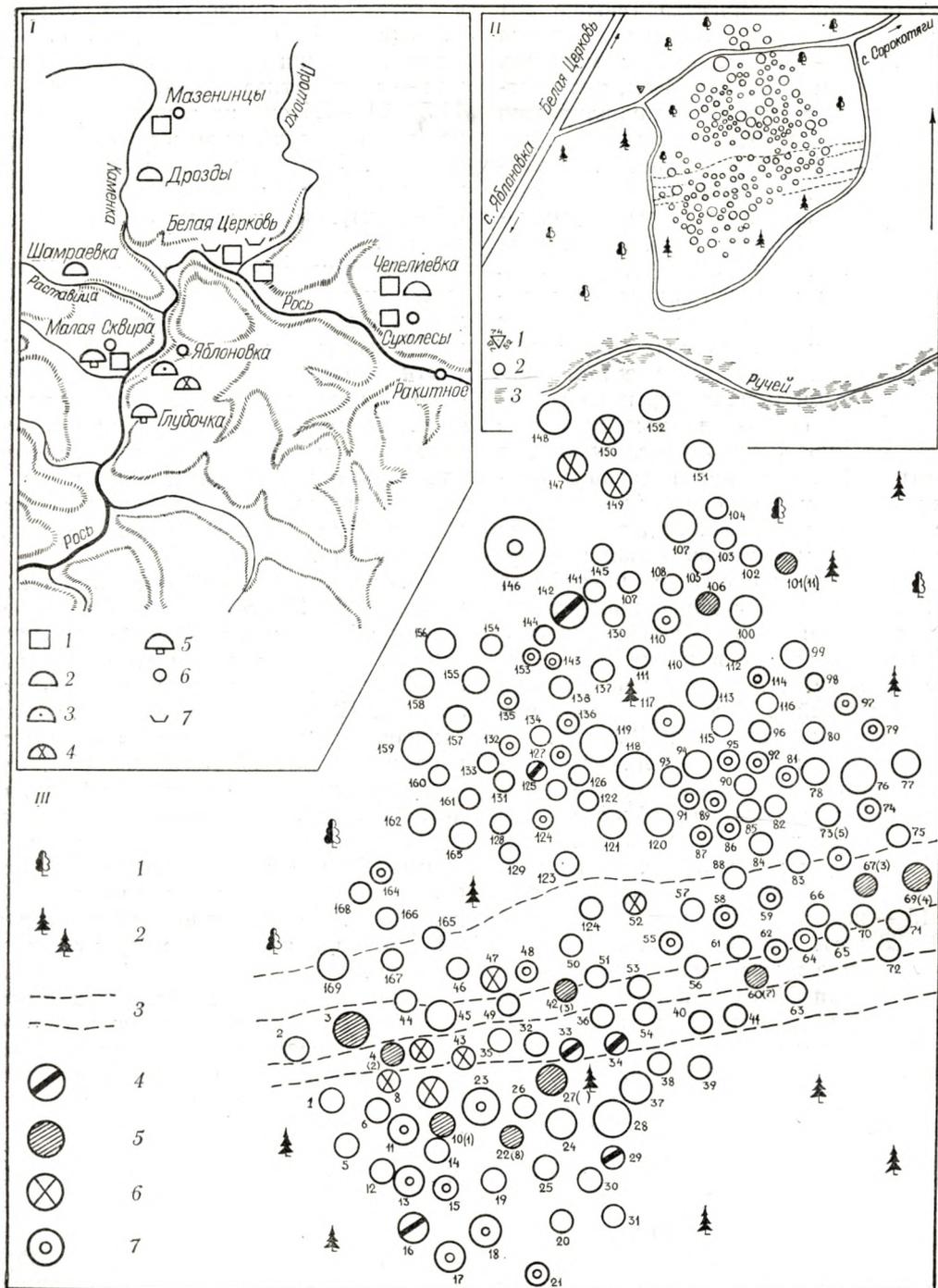

Рис. 12. Памятники окрестностей Юрьева:

I — карта городищ, селищ и могильников Поросья в районе летописного Юрьева (составил А. П. Моля): 1 — городище; 2 — тип погребения не известен; 3 — труположение на горизонте; 4 — трупосожжение; 5 — труположение в подкурганной яме; 7 — бескурганное труположение; 6 — селище. II — могильник у с. Яблоновка: 1 — репер; 2 — курганы; 3 — пойма ручья; III — план курганной группы (съёмка А. В. Обломского, 1982 г.): 1, 2 — лесонасаждения; 3 — просени; 4 — курган, раскопанный траншеей; 5 — курган, исследованный в 1981—1982 гг. Белоцерковской экспедицией; 6 — курган, раскопанный на свос до 1981 г.; 7 — курган, испорченный колодезем.

кувшинов — зеленая глазурь. Венчики встречаются разные: одни напоминают майжетовидные XI в., но имеются с утолщениями и орнаментацией, не свойственной древнерусской керамике XI—XIII вв. Типы керамики из постройки находят аналогии среди материалов XIV—XV вв.

Аналогичная керамика обнаружена в слое над печарищем середины XIII в. по всему раскопу I. Возможно, данный факт находит объяснение в событиях XIV в., когда литовский князь Ольгерд освободил от татар «...Торговицу, Белую Церковь, Звенигород и все поле от Очакова до Киева и от Путивля до гирла Дона...». Описанные события совершались, скорее, ближе ко времени битвы на Синих Водах (1362), чем описываемые в хронике Стрыйковского 1331 г., и, следовательно, являются первым упоминанием об урочище на дегинце Юрьева, от которого и произошло название города ²⁶.

Археологические памятники древнерусского времени в окрестностях летописного Юрьева представлены остатками городищ, селищ и могильниками (рис. 12, 1). Селища в основном известны около городища. Конечно, они существовали и не только около укрепленных пунктов, но их изучение — дело будущего. В данном районе обследованы и изучены шесть городищ ²⁷, два из которых рассматривались выше. Остальные, кроме городища у с. Сухоlesы, расположены на высоких мысах левого берега р. Рось и ее притоках (в Сухоlesах укрепления обнаружены на пойменных возвышенностях) и имели небольшие размеры: Мазепинцы — 0,7 га, Малая Сквирка — 1,2, Сухоlesы — 0,95, городище возле с. Чепилиевка, сильно разрушенное земляными работами (здесь укреплен и посад), — 0,3 га. Только в последнем пункте (с. Чепилиевка) еще не выявлены следы неукрепленного селища, примыкавшего к территории городища. На всех упомянутых поселениях обнаружены обломки древнерусской гончарной керамики XI—XIII вв. Валы и рвы из-за распахки и других земляных работ часто плохой сохранности.

В окрестностях летописного Юрьева на нескольких древнерусских некропо-

лях в разное время проводились археологические исследования. Так как материалы большинства могильников были уже обобщены в ряде научных работ ²⁸, нет необходимости вновь их подробно анализировать. Отметим, что на двух курганных могильниках у сел Глубочка и Малая Сквирка зафиксированы захоронения в ямах различной глубины, а на трех некрополях сел Чепилиевка, Шамраевка, Дрозды расположение захоронений относительно уровня древней поверхности исследованиями в дореволюционное время не фиксировалось. В районе современной площади Свободы в Белой Церкви открыты остатки грунтового некрополя древнерусского времени. Инвентарь большинства вышеописанных погребений крайне беден и состоит из обломков древнерусской гончарной керамики (возможно, в засыпке могильных ям), украшений, бытовых предметов. Исключение составляет курган у с. Чепилиевка, где около погребенного обнаружены шлем, копые и золотой перстень — атрибуты знатного воина, похороненного, вероятно, в XII—XIII вв. ²⁹

В последнее время возле с. Яблоновка проводились исследования курганного могильника. Курганы некрополя размещены на правом берегу р. Рось в 2 км от центра села, занимая площадь около 2 га. Могильник (169 насыпей) покрыт молодыми лесонасаждениями и подвергнут плантажной вспашке, что повлекло за собой разрушение многих насыпей и затруднило раскопки (рис. 12). В разные годы Белоцерковским краеведческим музеем ³⁰ и Белоцерковской экспедицией ИА АН УССР были вскрыты 62 насыпи, под которыми обнаружен интересный археологический материал.

Высота раскопанных курганов над уровнем современной поверхности 0,2—1,5 м, диаметр от 4 до 12 м. Форма круглая или овальная в плане, насыпи состояли из слоя светлого песка и покрыты дерном. В подавляющем большинстве исследованных курганов обнаружены остатки труположений на уровне древнего горизонта — обряд, не использовавшийся автохтонным населением на территории Среднего Поднепровья с конца I тыс. н. э. (рис. 13—

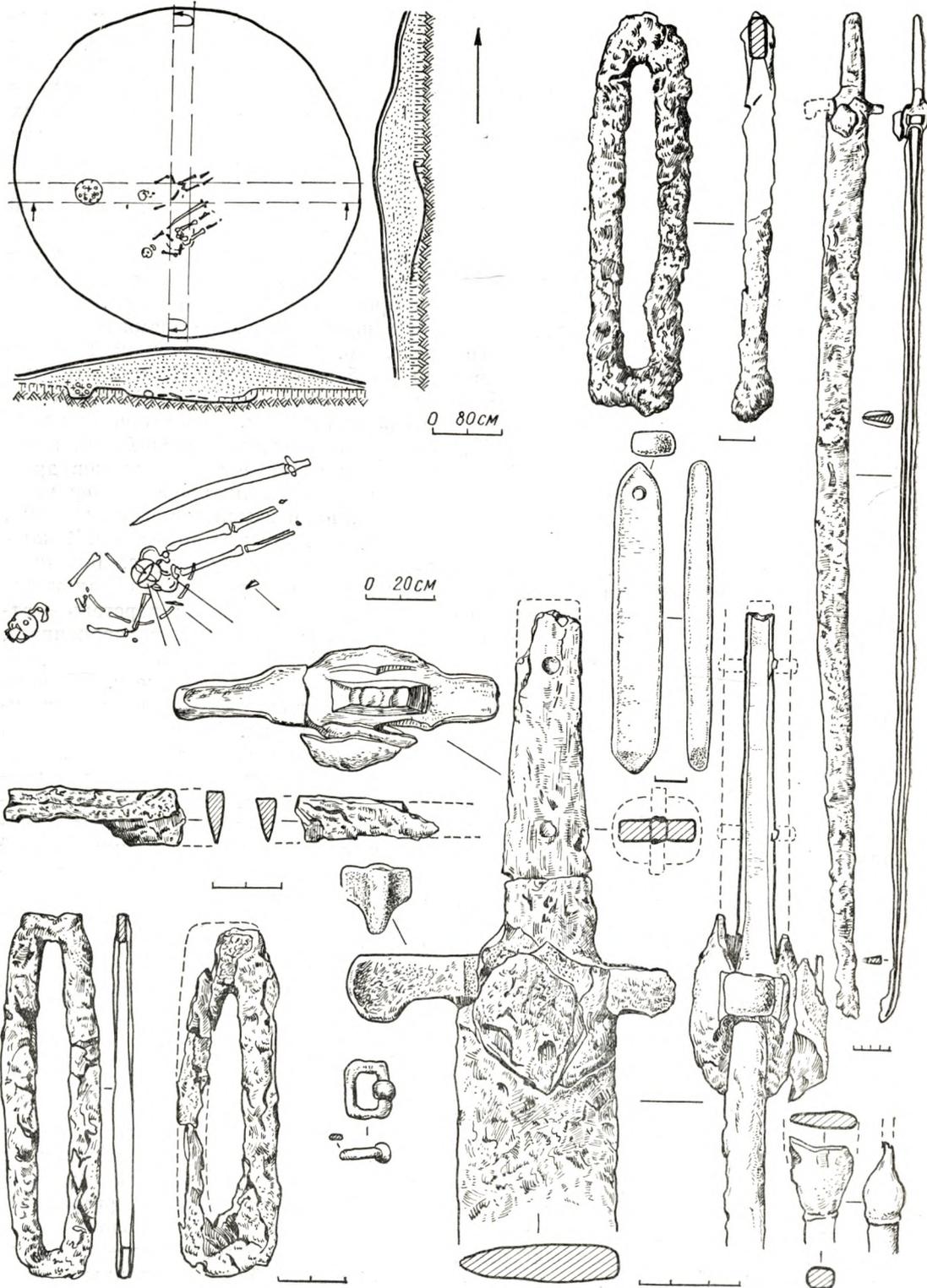

Рис. 13. Комплекс кургана № 69.

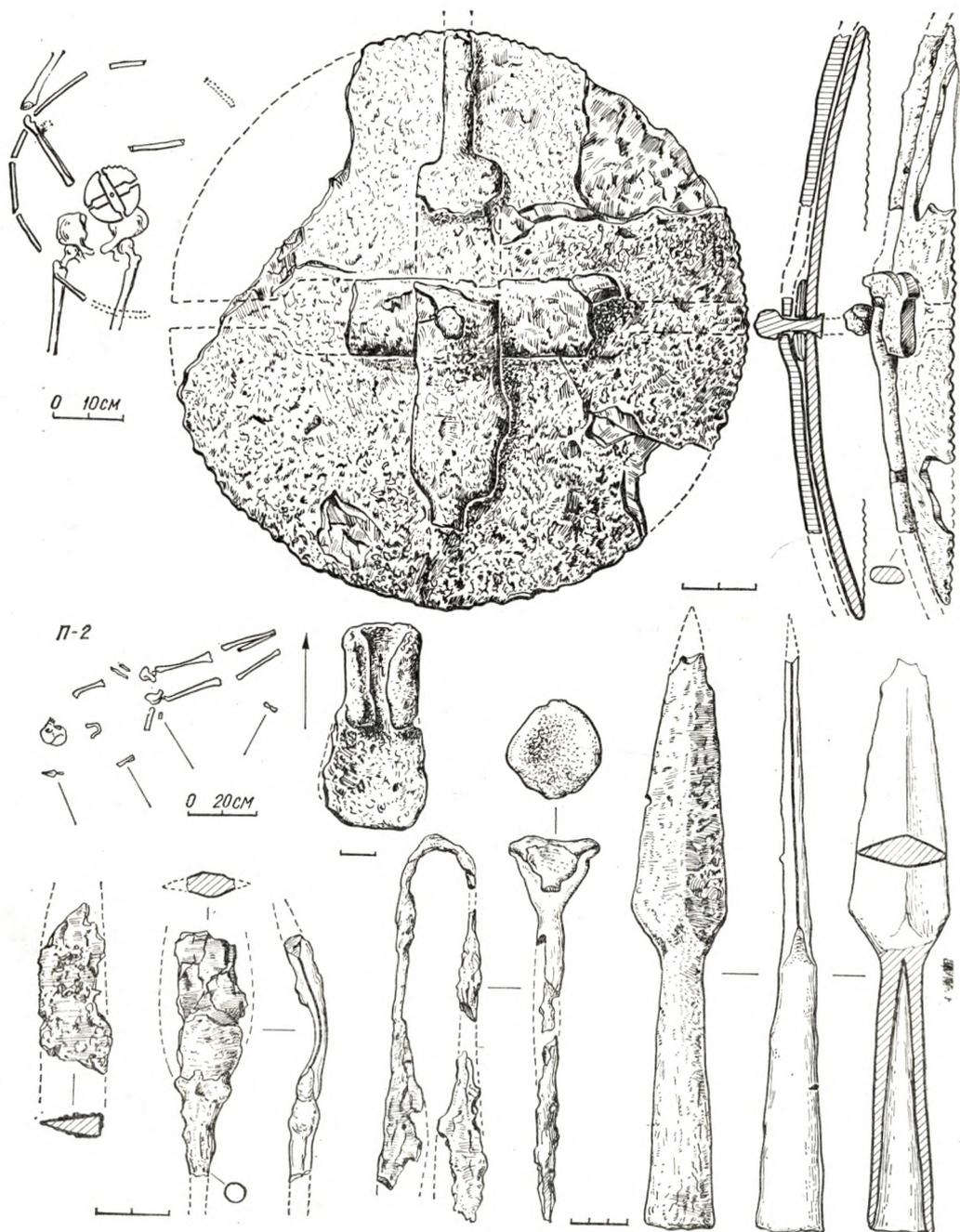

Рис. 14. Комплекс кургана № 69.

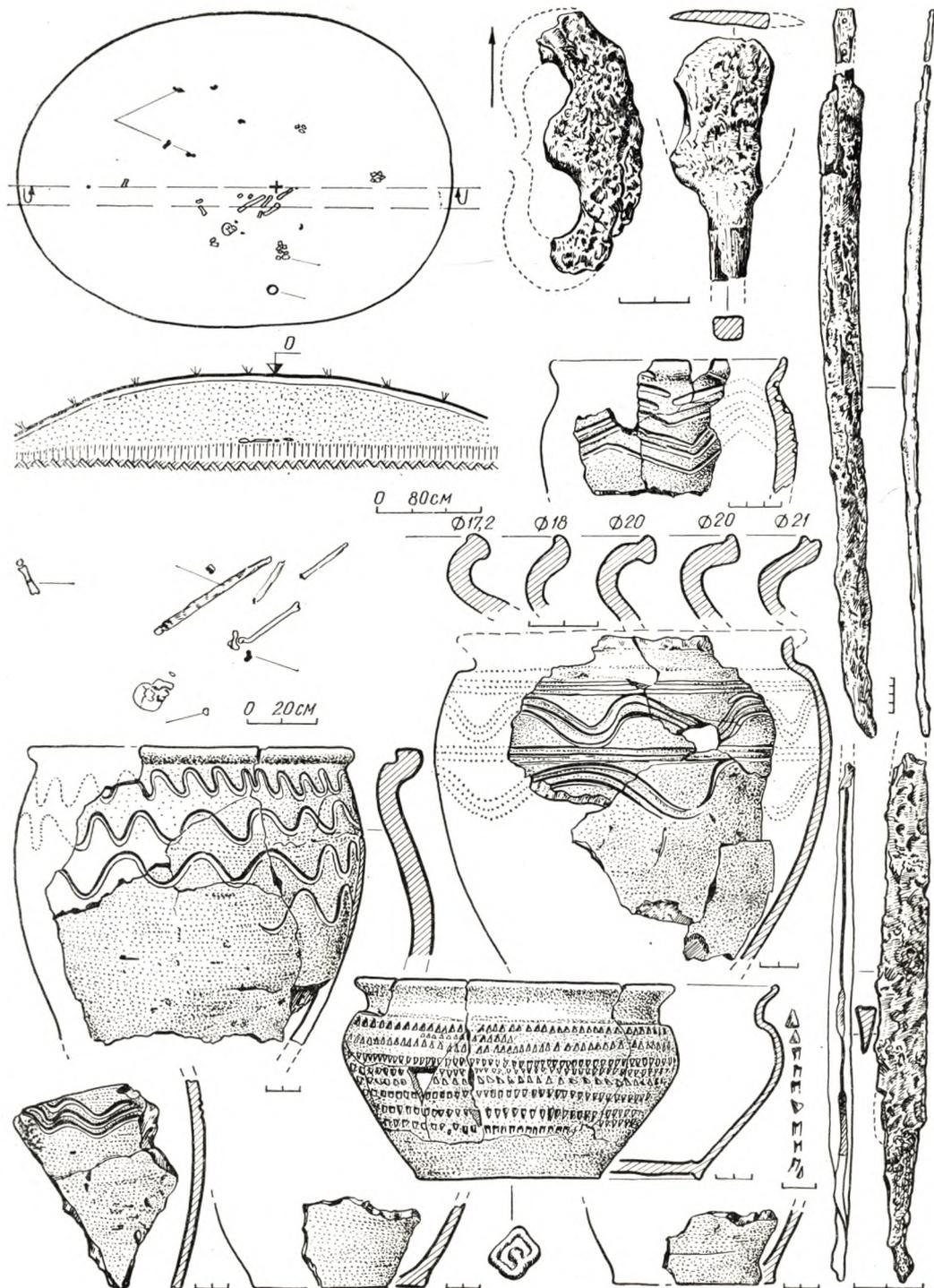

Рис. 15. Комплекс кургана № 3.

Рис. 17. Глиняная посуда из курганов Яблоновского могильника,

15). В кургане № 3 открыты остатки кремации умершего, а еще несколько насыпей представляли собой меморативные сооружения. Пережитки обряда сожжения в виде угольков и золы отмечены во многих курганах. В табл. 1 нами приведены основные характеристики всех исследованных комплексов. Хронологические рамки бытования отдельных вещей из могильника не выходят за пределы XI—XIII вв. Показательны калачевидные кресала с язычком (курганы № 76, 82), встречающиеся на севере (Новгород) не позже второй половины XII в. (рис. 15). В большинстве погребений найдены кресала овальных форм, бытовавшие в Новгороде с рубежа XII—XIII вв., но известные в Среднем Поднепровье с XI в. (рис. 13)³¹.

По некоторым деталям обрядности Яблоновский могильник резко выделяется из известных сегодня средневековых захоронений Поросья. Выше отмечалась нехарактерность для автохтонного населения этого района в древнерусское время захоронений по обряду кремации и ингумации на уровне горизонта. В XI—XII вв. ингумация на уровне древней поверхности встречается в северных районах Восточной Европы, а на юге древнерусского государства — только в землях древлян³². Относить к восточнославянскому этническому массиву население, проживавшее на селище возле рассматриваемого некрополя, позволяют топография могильника, способ захоронения и антропологические данные. В то же время у кочевников эпохи средневековья восточноевропейского региона, в частности у племен, населявших соседнюю с земледельцами зону Поросья, обряд ингумации на уровне древнего горизонта совершенно не известен³³. Тем не менее некоторые детали обрядности свидетельствуют о значительных контактах данной группы славянского населения с кочевниками. В первую очередь, речь идет об инвентаре ряда захоронений, в состав которого входили предметы, более характерные для южных соседей славян. Имеются в виду зеркала (курганы № 15, 161, 157), сабли (№ 4, 17, 69) (рис. 13; 15), детали конской упряжи (№ 93, 162). Юго-

восточные аналоги имеют находки железных тесел в курганах № 76, 103, 134, пружинных, а не шарнирных ножиц, характерных для кочевнических погребений, под насыпями № 27, 68, 73, 151, 119 (рис. 14). Перечисленные категории вещей нередко встречаются в средневековых захоронениях аланского населения³⁴. Кроме того, в курганах № 10 и 22 под скелетами обнаружены скопления аркштейнов, возможно, следы растительной подстилки, не характерной для славянских захоронений. С. А. Плетнева среди признаков V группы захоронений кочевников Восточной Европы (отождествляемых ею с носителями салтово-маяцкой культуры) называет наличие камышовых подстилок³⁵. Воткнутое в землю наконечники стрел и копий, обнаруженные в курганах № 3 и 102 Яблоновского могильника (рис. 15), аналогичны таковым из аланских средневековых погребений³⁶. Конечно, нельзя категорически утверждать о прямых контактах и миграциях северокавказского населения в данный район Поросья, хотя известны случаи переселения аланских племен на Русь. Вероятно, можно говорить об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, входившими в состав населения половецкой степи³⁷.

Некоторые из перечисленных признаков были присущи не только южным, но и северным соседям славян. Так, в захоронениях европейского Севера также встречаются пружинные ножицы и воткнутое в землю оружие³⁸. Помимо приведенных параллелей отметим, что форма гончарной посуды из могильника не имеет аналогий среди керамических комплексов южнорусских земель. Горшки менее стройные, «баковидные», иная и система орнаментации, что свидетельствует об отсутствии связей с «генеральным» направлением развития форм южнорусской керамики (рис. 17). Использование штампованного орнамента, характерного для северо-западной и северо-восточной Руси³⁹, также может свидетельствовать о возможном присутствии среди жителей данного региона Поросья выходцев из северных земель (рис. 15). Но в начале II тыс. н. э. начинается интенсивное

использование кочевых контингентов в целях обороны юга Руси⁴⁰, что позволяет рассматривать материалы курганов у с. Яблоновка в плане взаимоотношений кочевых и оседлого (славянского) населения, проживавших недалеко друг от друга. Взаимосвязи славян и кочевников прослежены и на других пограничных территориях.

Население, оставившее яблоновские курганы, занимало особое положение по сравнению с жителями других пунктов Поросья. Учитывая, что на юге древнерусского государства христианизировалось не только местное население, но и переселенцы из других уголков Восточной Европы (о чем свидетельствует и господство ямного обряда захоронения), можно предполагать значительную самостоятельность жителей Яблоновского поселения, что подтверждается обрядом ингумации на горизонте и пережитками обряда сожжения (угли и зола). Естественно, что они подчинялись центральным киевским властям. Вряд ли в 20 км от одного из крупнейших поросских центров, Юрьева, могло быть поселение независимых бродников.

В какой-то степени относительную «вольность» может объяснить инвентарь многих захоронений: почти в трети исследованных курганов (17) обнаружены предметы вооружения. Это был дружинный лагерь, аналогичный по своему назначению хотя бы более раннему Шестовицкому комплексу под Черниговом. Основной задачей дружины из Яблоновки была охрана южнорусских границ от враждебных орд половцев (о чем свидетельствует и набор вооружения). По своему функциональному назначению они в какой-то степени сближались с положением половецкой орды, оставившей курганы в междуречье Буга и Днестра у с. Каменка. Эта группа кочевала на широкой территории и, придерживаясь прокиевской ориентации, преграждала путь в Поросье по «бужскому степному коридору»⁴¹.

Местность, где находился рассматриваемый нами могильник, имела важное стратегическое значение. Так, в этом районе в 1165 г. состоялась битва

русских с половцами, через эти же места прорывались кочевые орды на Русь в 1177 и 1190 гг.⁴² Интересные сведения по этому поводу дают наблюдения за ориентацией погребенных на Яблоновском могильнике: почти в половине курганов умершие имели юго-западную ориентацию. Можно предполагать, что в летнее время, когда особенно интенсивно проходила конфронтация со Степью, дружинный лагерь значительно пополнялся воинским контингентом, несшим пограничный контроль по маршруту вдоль р. Рось. Именно в честь погибших вдали от Яблоновского поселения воинов и были воздвигнуты кенотафы (курганы № 10—12, 157). А часть жителей, которые оставались в неукрепленном поселении, в случае необходимости могли уходить под защиту укреплений расположенного невдалеке городища у с. Малая Сквирка.

В целом яблоновские материалы еще раз наглядно подтверждают наблюдения многих исследователей о взаимовлиянии земледельцев и населения Степи в южнорусском порубежье, о симбиозе двух культур.

По свидетельству письменных источников, в XI—XIII вв. в Поросье и на территории округа древнерусского Юрьева происходили сложные этнополитические процессы. Летопись помещает здесь несколько этнографических групп⁴³. Сложность этнического состава данного региона отмечалась и рядом исследователей⁴⁴.

Именно на этой территории происходили контакты древнерусской народности с кочевниками. Дополняют наши знания об этих контактах и антропологические данные, полученные при исследовании пяти средневековых могильников, материалы которых отражают в целом состав населения Юрьева и его округа. Две небольшие серии черепов изучены Г. П. Зиневич. Они же вошли в работу Г. П. Алексеевой по анализу этногенеза славян, а также В. В. Седова по характеристике краниологии славян Среднего Поднепровья⁴⁵. Остальные три группы черепов изучаются впервые.

Целесообразно рассмотреть отдельные серии черепов по могильникам и

дать сравнительные данные по всей территории Поросья.

Антропологический материал, добытый в результате раскопок на Замковой горе древнерусского Юрьева, представлен остатками 35 погребенных. Из них 33 погребения мужских, 2 — женских (№ 21, 26).

Средняя продолжительность жизни взрослого населения города по результатам палеодемографического анализа составляла 34,5 года (σ — 34,8; ♀ — 30). Пригодными к изучению оказались только 18 мужских черепов.

Серия характеризуется мезокранией при больших величинах основных диаметров черепной коробки. Лоб широкий, умеренно покатый. Лицо среднеширокое и средневысокое как по абсолютным величинам, так и по указателю. По вертикальной профилировке оно мезогнатное, резко профилировано в горизонтальной плоскости. Нос узкий, средневысокий, сильно выступающий. Орбиты средневысокие, переносье высокое, клыковые ямки неглубокие.

Статистический анализ серии из древнерусского Юрьева, проведенный с помощью сопоставления средних квадратических отклонений с мировыми стандартами⁴⁶, указывает на большую степень однородности при сравнении с рассматриваемой ниже яблоновской серией черепов, где краниологический материал сохранился в 47 погребениях. Из них женских 13, мужских 29 и детских 5. Столь низкий показатель детской смертности нехарактерен для эпохи средневековья и может быть объяснен спецификой могильника. Средняя доживаемость взрослых составила 39,1 года. Причем доживаемость мужчин — 40,9, женщин — 35,8 года.

По этим показателям яблоновская серия в целом близка сериям восточных славян, палеографические исследования которых провел В. П. Алексеев⁴⁷. Пригодными к измерениям оказались 22 мужских и 12 женских черепов.

Серия мужских черепов из Яблоновки характеризуется мезокранией при средних величинах поперечного и продольного диаметра, средневысоким сводом и слабопокатым лбом. Лицо мезогнатное на границе с ортогнатным,

умеренно профилировано в горизонтальной плоскости. Величина верхней высоты его средняя. Скуловой диаметр на границе малых и средних величин. Верхний лицевой указатель также средний. Нос выступающий, среднеширокий. Орбиты также среднеширокие. Переносье высокое. В целом серия европеоидная и имеет гипоморфные формы черепа.

Анализ статистических данных по средним квадратическим отклонениям свидетельствует о значительной неоднородности серии мужских черепов по таким признакам, как продольный диаметр и связанный с ним черепной указатель, височный диаметр, ширина лба, лица и носа. Женская серия очень близка по антропологической характеристике к мужским черепам, что подтверждается близостью коэффициентов полового деморфизма к мировым стандартам.

Небольшая группа черепов происходит из Стеблева. Она добыта в результате работ экспедиции «Змиевы валы» ИА АН УССР, проводившей разведочные раскопки курганного могильника на берегу р. Рось у с. Стеблев Курсунь-Шевченковского района⁴⁸.

Краниологический материал состоял из двух мужских, одного женского и одного детского черепов. В целом стеблевские черепа характеризуются резкой долихокранией при большом продольном диаметре. Лоб узкий, покатый. Ширину лица удалось измерить только на одном черепе, она малая. Высота лицевого отдела черепов выше средней. Нос среднеширокий на мужских, узкий на женском черепе. Лицо мезогнатное, резко профилировано.

В 1955—1956 гг. древнерусской экспедицией под руководством В. И. Довженка раскапывались два могильника в Поросье у сел Николаевка и Хутор Половецкий⁴⁹.

Краниологический материал, состоявший из 42 черепов, изучен Г. П. Зивевич. Она характеризует серию из Николаевки как мезокранию, среднеширокую, европеоидную⁵⁰. По мнению исследователя, серия в целом однородна, но на четырех черепах имелись следы монголоидности. При сопоставлении николаевских черепов с серией из

Таблица 2. Сравнительные данные средних величин основных признаков мужских синхронных черепов

№ по Мартину	Пункт, этнос	Яблониовка		Юрьев		Хутор Половецкий		Николаевка	
		П. М. Покас, 1985 г.				Г. П. Зиневич, 1967 г.			
		П *	М **	П	М	П	М	П	М
1	Продольный диаметр	21	180,4	18	188,1	15	181,7	8	186,4
8	Поперечный диаметр	19	140,4	17	141,5	14	137,6	8	139,9
8 : 1	Черепной указатель	19	77,1	15	75,9	14	76,2	8	75,1
17	Высотный диаметр от базиса	14	133,3	12	135,6	14	134,3	7	135,3
32	Угол лба (назион — метопион)	9	79,9	8	77,7	14	83,8	7	85,9
45	Скуловой диаметр	8	129,6	9	133,7	13	130,4	7	131,1
48	Верхняя высота лица	11	67,9	14	71,2	15	67,4	7	69,3
48 : 45	Верхнелицевой указатель	8	52,2	8	54,5	13	51,4	7	52,9
54 : 45	Носовой указатель	12	50,4	13	45,7	14	51,1	7	47,3
52 : 51	Орбитный указатель (от максил.)	15	78,9	13	78,8	15	79,8	7	80,6
77	Назомаллярный угол	11	141,0	9	138,8	14	138,0	4	135,3
7М	Зиго-максиллярный угол	8	125,5	13	127,0	14	126,3	6	126,5
ДС : ДС	Дакриальный указатель	11	56,6	6	58,6	14	60,4	4	56,4
SS : SC	Симотический указатель	11	47,3	11	50,4	15	47,9	4	51,2
72	Общий угол лица	9	84,9	8	83,0	14	83,1	7	83,9
75 (1)	Угол выступания носа	5	29,8	5	32,8	14	27,0	4	31,3

* П — количество черепов.

** М — средние величины признаков.

Хутора Половецкого автор отметила «несомненное морфологическое сходство их» и «краниологическую однотипность», но количество черепов с уплощенностью лицевого скелета на уровне орбит из Хутора Половецкого большее (шесть черепов). И степень уплощенности их более высокая.

Г. П. Зиневич провела сравнение этих серий с группой черепов из синхронных Каирского и Каменского могильников и с курганными суммарными сериями «полян переяславских» и «северян Украины»⁵¹ и пришла к выводам о «разнотипности» серий Поросья по сравнению с каирскими и каменскими черепами (Надпорожье) и генетической общности с полянами и северянами. Выводы вполне обоснованы. Добавим, что определенный интерес представляет сопоставление материалов Николаевского могильника с польскими синхронными сериями, так как в состав погребального инвентаря при погребениях этого могильника входили височные кольца с S-видными

формами, более характерными для древнерусского времени на территории Польши и Волыни⁵². Этот факт представляет интерес и в связи с упоминанием в летописи о переселении Ярославом Мудрым группы военнопленных — «ляхов».

Был проведен сравнительный анализ серии Николаевки с синхронными группами черепов полян польских, вислян и мазовшан⁵³. К сожалению, данные по этим сериям представлены слишком малым числом средних величин важнейших признаков и дают слабое представление об их антропологическом типе (табл. 2). Все же отметим, что группа черепов из Николаевки проявляет определенную близость к польским сериям, но имеет некоторые отличия: николаевские черепа более узколицие, высоколицие и высокоорбитные. Рассмотренные краниологические серии характеризуются общеславянским комплексом признаков и не могут дать полного представления о степени их морфологического сродства.

Польские серии						Поросье (объединенная серия)	Поляне перьяславские		Поляне черниговские (кур-ганы)		Древнерусские города	Кочевники X—XII вв. (Харьковская, Днепровская области)			
Поляне	Висляне	Мазовшане		Т. И. Алексеева, 1973 г.								Г. П. Зиневич, 1967 г. П. М. Покас, 1985 г.		Т. И. Алексеева, 1973 г.	
П	М	П	М	П	М	П	М	П	М	П	М	Границы вариабельности		М	М
378	185,4	81	186,5	9	191,1	64	183,4	85	186,6	32	183,3	181,5—189,3		35	181,3
378	140,6	79	137,3	9	139,4	60	141,5	84	138,3	29	137,3	138,5—141,4		35	150,5
365	75,9	79	73,6	9	72,9	58	76,4	82	74,7	28	74,7	73,8—77,5		35	83,2
346	136,0	56	134,7	7	133,0	48	134,4	80	134,9	31	135,9	134,1—138,9		20	134,2
—	—	—	—	—	—	—	—	70	84,1	25	84,2	80,4—84,8		—	—
304	132,4	60	131,8	3	135,3	38	130,5	69	132,5	22	130,9	132,1—136,1		29	141,1
294	67,4	64	69,0	—	—	49	68,7	79	69,8	28	68,5	67,0—71,2		32	73,8
291	50,9	59	52,1	—	—	37	52,7	68	52,9	20	52,3	—		25	53,1
312	49,8	64	49,9	3	46,7	—	—	82	50,0	28	51,1	—		13	46,2
306	77,9	59	77,1	3	76,3	—	—	39	77,0	26	77,8	—		—	—
—	—	—	—	—	—	40	138,5	42	137,5	23	138,2	135,7—139,4		—	—
—	—	—	—	—	—	41	126,2	33	128,1	17	125,3	126,0—129,6		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	40	58,4	26	54,9	54,9—61,2		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	41	50,2	29	48,1	42,7—50,9		—	—
—	—	—	—	—	—	40	84,0	63	84,3	23	83,0	83,6—85,1		25	86,3
—	—	—	—	—	—	30	29,4	53	28,7	12	28,2	26,8—35,0		24	31,9

Нами проведен сравнительный анализ серий величин по краниологическим признакам серий черепов древнерусского Юрьева, его округи и из могильников Поросья. Отметим, что черепа из Юрьева при общности для всех серий мезо-долихокрании отличаются большей выраженностью рельефа над переносем и большими величинами диаметров мозгового черепа как от серии, происходящей из его округи (Яблоновка), так и от других поросских серий (Николаевка и Хутор Половецкий). Черепа из Юрьева обладают более покатым лбом, широким и высоким лицевым отделом, широкими орбитами и узким носом (табл. 2).

Яблоновская серия при общем сходстве основных размеров черепного отдела с другими поросскими черепами все же отличается от них более покатым лбом, орбиты ниже. По этим показателям она занимает как бы промежуточное положение между сериями древнего Юрьева и другими сериями Поросья. Но яблоновские черепа имеют

и еще некоторые особенности при сравнении с остальными. Они, в среднем, более широкоголовые и широконосы и обладают небольшой уплощенностью в верхней части лицевого отдела. Выделено несколько черепов с повышенной уплощенностью лицевого отдела (погребения № 11, 28, 31). Вероятно, в состав группы населения, оставившего Яблоновский могильник, входил значительный элемент населения с монголоидной примесью.

Определенный интерес представляют некоторые различия серий из Юрьева (городское население) и Яблоновки (сельское население), территориально близких друг к другу. Различия эти выражаются прежде всего в большей массивности городской серии как по размерам мозгового черепа, так и по лицевому скелету. Аналогичное явление наблюдалось Г. И. Алексеевой при сопоставлении городского и сельского населения других древнерусских городов и объяснено ею как «частное выражение общего процесса укрупнения

стояка в условиях города, опять-таки в связи с изменением уровня социальной жизни»⁵⁴.

При сопоставлении средних величин основных признаков серии из Юрьева с их вариантами на черепаках из других древнерусских городов⁵⁵ отметим полную близость по всем признакам (см. табл. 2). Это свидетельствует о том, что группа населения древнерусского Юрьева, оставившая могильник на Замковой горе, имела, несомненно, славянское происхождение.

Для более полного рассмотрения антропологического типа населения Поросья все изученные серии были объединены в одну и проведен некоторый статистический анализ. Объединенная серия представлена 64 мужскими и 31 женским пригодным к измерениям черепом.

Оценка палеографических данных смертности взрослого населения показала, что попытка дать полную характеристику ее, используя градации В. П. Алексеева, определяющие усредненный возраст погребенных по возрастным категориям⁵⁶, влечет к ошибочным результатам. Так, при анализе демографических данных по опубликованным сериям Николаевки и Хутора Половецкого отмечаются явно завышенные величины продолжительности жизни взрослых. У мужчин она равна 48,1 года, у женщин — 37,9 года для николаевской группы и 46,3 года для взрослого населения, оставившего могильник у Хутора Половецкого. Очевидно, продолжительность жизни, данная для серии из Яблоновки, является более характерной для населения всего Поросья. Как отмечалось, она равна 40,9 года для мужчин и 35,8 — для женщин.

Краниологический тип черепов Поросья характеризуется мезокрацией при больших диаметрах мозговой коробки, средней, на границе с малыми величинами, шириной лица при таких же характеристиках его величины. По верхнелицевому показателю лицо среднеширокое и средневысокое. По вертикальному профилю оно мезогнатное, хорошо профилировано в горизонтальной плоскости.

В целом серия Поросья относится к

европеоидным формам и характеризуется восточносредиземноморским типом. Отмечена некоторая неоднородность ее антропологического состава, что выразилось в повышенной варибельности и повышении величин квадратических уклонов при сравнении с мировыми стандартами по таким признакам, как продольный и скуловой диаметры, черепной и верхнелицевой указатели и назомолярный угол (см. табл. 2).

—Неоднородность этнического состава Поросья в древнерусское время отмечали многие исследователи. Контакты между кочевниками и славянами привели к смешению отдельных черт погребальных обрядов. В определенной степени этот процесс, очевидно, повлиял на антропологический тип жителей Поросья. При сопоставлении краниологической серии Поросья с синхронными сериями близлежащих территорий прослеживается заметное сходство со славянскими сериями по всем основным признакам. Они представляют собой один антропологический тип.

Сравнительные данные серии из Поросья с группой черепов кочевников X—XII вв. Харьковской и Днепропетровской областей⁵⁷ указывают на резкое их отличие по ряду признаков (табл. 2). Черепа из Поросья более длиннолобые и имеют значительно меньший поперечный диаметр. Отличия имеются и при сопоставлении черепного указателя (у кочевников — брахикrania). Поросские черепа более узко- и низколицы и мезогнатные (у серии кочевников лица ортогнатные). Здесь имеет место отличие антропологических типов серий.

В целом вышерассмотренные археологические и антропологические материалы свидетельствуют о славянской принадлежности населения Юрьева и его округа в XI—XIII вв. Но, отмечая общие для южнорусских земель черты материальной и духовной культуры, представленные данные подтверждают определенную специфику историко-культурного развития этого пограничного города.

¹ Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 13.

- 2 ПСРЛ, т. 2, с. 137.
3 Там же.
4 *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1901, т. 1.
5 ПСРЛ, т. 2, с. 219, 256.
6 *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— Киев, 1980, с. 153.
7 ПСРЛ, т. 7, с. 240.
8 Киевская старина, 1883, т. 7, с. 1—32; *Погливец Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии.— Киев, 1864; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956, с. 308.
9 *Бутник-Сиверский Б. С.* О городе Белая Церковь.— СА, 1961, № 4, с. 218—226.
10 Архив Юго-Западной России.— Киев, 1905, т. 3, ч. 7, с. 85—115.
11 *Богданов О. І.* Нові данні про древньоруське місто Біла Церква.— Археологія, 1952, т. 6, с. 133—134.
12 Коллекция фондов Белоцерковского краеведческого музея, № А—121, 9510—7303, 9496; А—73, 6195—4483, 11247/0—6; А—71, 5127—3620, 2592.
13 *Брайчевский М. Ю., Трохимец А. П.* Новые археологические материалы по истории Белой Церкви.— СА, 1961, № 4, с. 218—226.
14 *Толочко П. П.* Киевская земля, с. 50; *Кучера М. П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини.— В кн.: Дослідження з слов'яноруської археології. К., 1976, с. 189.
15 *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980, с. 31, рис. 9.
16 Архив Юго-Западной России, т. 4, ч. 2, с. 15—17.
17 Там же, т. 3, ч. 7, с. 85—115.
18 *Рыбаков Б. А.* Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище ИА АН СССР (1969).— НА ИА АН УССР, ф. е. 5465, 1969/38, с. 16, табл. XVI, 1, 2; *Тимошук Б. О.* Давньоруська Буковина (X—перша половина XIV ст.).— К., 1982, с. 53.
19 *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л., 1979, с. 113.
20 *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси.— М., 1972, с. 58, 65.
21 *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв.— СА, 1960, № 2, с. 73—76.
22 Новое в археологии Киева/П. П. Толочко, Я. Е. Боровский и др. Киев, 1982, с. 173—233.
23 *Голубинский Е.* Указ. соч., с. 568.
24 *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. по данным погребальных памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980, с. 14; *Макаров Н. А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей.— СА, 1981, № 2, с. 112.
25 *Кучкин В. А.* Захоронение И. Грозного и русский средневековый погребальный обряд.— СА, 1967, № 1, с. 289—294.
26 *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, wszytkiej Rusi. Warszawa, 1846, т. 2, с. 4, 6—7.
27 *Кучера М. П.* Указ. соч., с. 187—191; *Орлов Р. С.* Раскопки в Белой Церкви.— АО 1980 г., М., 1981, с. 295.
28 Археологическая карта Киевской губернии.— М., 1895; *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 1961, № 3; *Русанова И. П.* Курганы полян X—XIII вв.— САИ, 1966, вып. Е—1—24; *Моця О. П.* Населення Поросся давньоруського часу за даними некропів.— Археологія, 1979, 36.
29 *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, 1966, вып. Е1—35, № 2, с. 99.
30 *Башинская Л. С.* Отчет о работах Яблоновского отряда.— НА ИА АН УССР, 1970/45а; *Башинская Л. С.* Отчет о работе на Яблоновском курганном могильнике 25 августа—10 сентября 1980 года.— НА ИА АН УССР.
31 *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 163, рис. 4; *Орлов Р. С., Погорелый В. І.* Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині.— Археологія, 1977, 24, с. 88, рис. 1, 11.
32 *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвinya.— МИА, 1970, № 163; *Недошвина Н. Г.* Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв.; Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1974; *Виесзів Р. І.* Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р.— Археологія, 1954, т. 11.
33 *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1—19, с. 13; Степи Евразии в эпоху средневековья.— В кн.: Археология СССР. М., 1971, с. 213—223.
34 Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.— Орджоникидзе, 1961, с. 56.
35 *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1968, № 62.
36 Археологические раскопки..., с. 79.
37 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966.
38 *Назаренко В. А.* Норманны и появление курганов в Приладожье.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 145.
39 *Mandel M.* Über die neuen Ausgrabungen in Komsí.— Известия АН УССР, сер. Обществ. науки, 1980, т. 29, № 4, с. 373—375, табл. XII, 8; *Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С.* Дослідження літописного міста Блiстовита.— Археологія, 1984, 48.
40 *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968, с. 25.
41 *Плетнева С. А.* Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XII вв. М., 1975, с. 282.
42 *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков, с. 26; *Плетнева С. А.* Половецкая земля, с. 284, 287.
43 ПВЛ, ч. 1, с. 140—147.
44 *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 488—490; *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков; *Моця А. П.* Населення Поросся давньоруського часу..., с. 27—36.
45 *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины.— Киев, 1967, с. 138—145; *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии.— М., 1973, с. 56—60;

Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья.— СЭ, 1974, № 1, с. 16—31.

⁴⁶ *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований.— М., 1964, с. 123—127.

⁴⁷ *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР.— СА, 1972, № 1, с. 16—17.

⁴⁸ *Кучера М. П., Серов О. В., Звиздецки Б. А.* Разведочные раскопки на Николаевском древнерусском комплексе памятников на р. Рось.— НА ИА АН УССР, 1981/14.

⁴⁹ *Довженок В. И.* Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 г.— КСИА АН УССР, 1959, № 8, с. 146—155.

⁵⁰ *Зиневич Г. П.* Указ. соч., с. 138—145.

⁵¹ Там же, с. 153—159; *Кондукторова Г. С.* Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника.— Сов. антропология, 1957, № 1; *Трофимова Г. А.* Кривичи, вятичи и славянские племена По-

днепровья по данным антропологии.— СЭ, 1946, № 1, с. 66.

⁵² *Довженок В. И., Кучера М. П.* Отчет о работе древнерусской экспедиции в 1956 году на Роси.— НА ИА АН УССР, 1956/12в, с. 21—24.

⁵³ *Трофимова Г. А.* Краниологические данные по этногенезу западных славян.— СЭ, 1948, № 2, с. 46.

⁵⁴ *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян..., с. 131.

⁵⁵ *Алексеева Т. И.* Антропологичний склад населення давньоруських міст.— В кн.: Матеріали в антропології України. К., 1964, вип. 4, с. 73—86; *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян..., с. 128.

⁵⁶ *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР, с. 15—16.

⁵⁷ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР.— М.; Л., 1948, с. 261—265.